

**СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ
ВЕСТНИК**

№ 10/4

2012

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Научно-практический журнал

Журнал зарегистрирован
Министерством РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств массовой
коммуникаций от 15 мая 2002 г.
Свидетельство о регистрации ПИ № 10-4711

Учредитель – Южный федеральный университет
Главный редактор – академик РАО, д.биол.наук,
профессор Ермаков П.Н.

Журнал издается с 1996 г., выходит 4 раза в год
СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК
Научно-практический журнал
2012 г. ➤ № 10/4

Ответственный секретарь –
Попова Л.В.
Компьютерная верстка – Чеха А.П.

Редакционный совет

д.пед.наук, профессор Акопов Г.В.	д.пс.наук, профессор Марьин М.И.
д.пс.наук, профессор Асмолов А.Г.	д.пс.наук, профессор Перелыгина Е.Б.
д.пс.наук, профессор Аллахвердов В.М.	д.пс.наук, профессор Попов Л.М.
д.пс.наук, профессор Богоявленская Д.Б.	академик РАО, д.пед.наук, профессор Рубцов В.В.
академик РАО, д.пс.наук, профессор Бондырева С.К.	член-корреспондент РАО, д.пс.наук, профессор Реан А.А.
д.пс.наук, профессор Дебольский М.Г.	д.пс.наук, профессор Рыбников В.Ю.
д.пс.наук, профессор Забродин Ю.М.	д.пс.наук, профессор Смирнов С.Д.
д.пс.наук, профессор Знаков В.В.	д.пс.наук, профессор Тхостов А.Ш.
д.пс.наук, профессор Зинченко В.П.	канд.пс.наук, доцент Цветкова Л.А.
д.пс.наук, профессор Карпов А.В.	д.пс.наук, профессор Черноρίζов А.М.
академик РАО, д.пс.наук, профессор Климов Е.А.	академик РАО, д.пс.наук, профессор Шадриков В.Д.
д.пс.наук, профессор Леонтьев Н.И.	д.пс.наук, профессор Шмелев А.Г.
д.пс.наук, профессор Малофеев Н.Н.	академик РАО, д.пс.наук, профессор Фельдштейн Д.И.

Редакционная коллегия

д.пс.наук, профессор Абакумова И.В.	д.пс.наук, профессор Рюмина Л.И.
д.биол.наук, профессор Бабенко В.В.	д.пс.наук, профессор Сидоренков А.В.
канд.пс.наук, профессор Васильева О.С.	д.пс.наук, профессор Скрипкина Т.П.
д.пс.наук, профессор Воробьева Е.В.	д.пед.наук, профессор Федотова О.Д.
д.пс.наук, профессор Джанерьян С.Т.	д.пед.наук, профессор Фоменко В.Т.
канд.пс.наук, доцент Дикая Л.А.	д.филос.наук, профессор Шкуратов В.А.
д.пс.наук, профессор Лабунская В.А.	

Адрес редакции:

344038, Ростов-на-Дону,
пр. Нагибина, 13, ком. 243.
Тел. (863) 243-15-17; факс 243-08-05
E-mail: rpj@psyf.rsu.ru

Подписано в печать 12.12.2012.
Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Myriad Pro.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 9,33.
Заказ № 73/12. Тираж 1000 экз.

Подготовлено и отпечатано DSM group.
ИП Лункина Н.В. Св-во № 002418081. г. Ростов-на-Дону, ул. Казахская, 35.
E-mail: dsmgroup@yandex.ru, dsmgroup@mail.ru

Перепечатка материалов только по согласованию с Редакцией.
© Северо-Кавказский психологический вестник

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Колтунова Е.А. Символ как психологическая категория в психоаналитических теориях.	5
---	---

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Мертёхин А.А. Характеристика интернет-зависимости.	10
--	----

Мамедова П.Р., Сарелайнен А.И. Динамика представлений о собственных коммуникативных навыках у волонтеров Студенческой психологической службы.	14
---	----

Есипова Д.Е. Тренинговые технологии как средство профилактики стрессовых состояний.	17
---	----

Мельникова А.А. Тренинг навыков формирования имиджа.	21
--	----

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Качанов А.Ф. Влияние эмоционального интеллекта на изучение иностранных языков у подростков.	25
---	----

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Прокофьева Н.В. Современный взгляд на проблему морально-нравственного самоопределения человека.	28
---	----

Черных О.В. Формирование профессиональных компетенций у волонтеров Студенческой психологической службы ЮФУ.	33
---	----

Обухова Ю.В. Самоуважение как фактор самоотношения личности (по материалам франкоязычных авторов).	37
--	----

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Осипян Н.Б. Женское насилие в отношении мужчин: анализ зарубежных и отечественных исследований.	42
---	----

ПСИХОЛОГИЯ ТЕРРОРИЗМА

Попова Л.В. Молодежь объединяется против терроризма (о работе антитеррористического молодежного фестиваля).	47
---	----

РЕЗЮМЕ ВЫПУСКА НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	51
---	----

НАШИ АВТОРЫ/ OUR AUTHORS	56
---------------------------------------	----

СИМВОЛ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ В ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИХ ТЕОРИЯХ

Колтунова Е.А.

Символизация – процесс создания (на уровне общественного сознания) и освоения (на уровне индивидуального сознания) понятий-символов, концентрирующих в обобщенной форме значимость их специфических свойств как «сверхважных» или «сверхреальных». Понятия-символы имеют функцию, отличную от любого иного понятия, поскольку выступают в роли универсальных индикаторов, ориентирующих познающего субъекта на значимости того контекста, который должен быть не просто индифферентно воспринят, а нуждается в осмыслении, оценке, определенной интерпретации. В рамках различных психологических подходов проблема символизации рассматривается и оценивается по-разному. Поэтому представляется важным и интересным проанализировать обращенность к понятиям-символам на примере психоанализа (З. Фрейд) и их рассмотрении зарубежными учеными (К. Юнг, А. Адлер, Э. Эриксон, Э. Фромм), трактовки которых явились посылком в освоении данной научной категории и в дальнейшем способствовали выходу на интегративный уровень понимания механизмов развития символов и символизации.

Ключевые слова: символ, символизация, абстракция, эмпирическое и теоретическое обобщение, психосемантический образ, интерпретация.

Символ является важной составляющей современного сознания, как на личностном, так и на групповом уровнях. Возникновение символов имеет длительную эволюционную историю в процессе культурного становления человечества. Этимологически понятие символа связано с греческим глаголом «соединять», «сталкивать», «сравнивать». Отражая общую логику формирования понятийной системы, функция символа вначале отождествлялась с предметно-образным компонентом психосемантической реальности, и в ее основе лежало эмпирическое обобщение. Предметы и отчужденные от них образы становились объектом поклонения (предметы поклонения, тотемы), возникали определенные действия-ритуалы, связанные со спецификой их использования. Однако по мере развития абстрактно-обобщающих значений (в результате перехода от эмпирического к теоретическому обобщению) и их фиксации на уровне устойчивых понятий на надличностном уровне в различных формах общественного сознания функция символа значительно расширилась. Возникли целые направления в познании окружающего мира, которые теперь уже не нуждались в образном наполнении, а возникали на уровне абстракции (отчуждения и обобщения)

свойств от ранее созданного абстрактного значения. Так возникли математические науки, вся содержательная компонента которых есть всецело символическая система.

По мере развития гуманитарной составляющей в становлении общественных форм сознания и в этой области человеческого развития возникла необходимость в символизации. Символизация – процесс создания на абстрактно-обобщенном уровне понятий-символов, которые не просто являются знаком-аналогом, замещающим определенный предмет или явление, а концентрируют в обобщенной форме значимость их специфических свойств как «сверхважных» или «сверхреальных». Понятия-символы имеют функцию, отличную от любого иного понятия, поскольку они не просто являются носителями определенных значений, а выступают в роли индикатора, ориентирующего субъекта на значимости того контекста, который должен быть не просто воспринят, а нуждается в осмыслении и определенной интерпретации. Не следует смешивать символ и знак. Знак только обозначает известный предмет, его функция – служебная. Символ же обладает самооценностью, он есть органический элемент психической

и духовной жизни. Можно предположить, что символ выступает в роле центрации по отношению к понятиям менее обобщенным, становится своеобразным эпицентром, который определенным образом влияет на понимание всего содержательного контента. Понятия-символы концентрируют в себе такие черты, как универсальность, глубину, уровень оценки события как компонента общественного сознания, отличающегося особой значимостью. Употребляя их в устном или письменном изложении своих мыслей, рассказчик апеллирует не к единичному событию или факту, а подчеркивает масштабность предмета осмысления. Если мы говорим: Отечественная война, диктатура, Холокост и т. д., то даже без обращения к конкретным историческим примерам выделяется оценочный компонент данного понятия. Это универсальный процесс, поскольку каждый представитель определенной культурной эпохи воспринимает значение данного понятия не только как совокупность определенным образом обобщенных свойств, но и как то, что уже содержит в себе маркировку на позитивное или негативное. Универсальные понятия-символы в силу специфичности той роли, которая возложена на них надличностными и личностными реалиями, привлекали внимание психологов в контексте разных подходов и интерпретаций.

Особый ракурс для исследования и освоения символа, определения его функций в психологическом знании раскрыл психоанализ (З. Фрейд), который в анализе индивидуального бессознательного вышел на проблему возникновения символа и мотивации символотворчества. Наличествующие первобытные влечения – особый вид сексуальной энергии (либидо), требующие немедленного разрешения и не получающие его, в силу этого вступающие в конфликт с реальными ситуациями и требованиями морали, способствуют появлению невротических симптомов, состоянию дискомфорта, напряжения и страхов. Блокируемые Эго, они вытесняются из этой сферы и воплощаются в сновидениях в виде символов, единичных, разрозненных или связанных между собой символических образов, в мифологических сюжетах, в сказках, в отрывочных галлюцинациях. «Ибо, какую цель преследует творчество, как не избавить, символически, человека от томительных внутренних перенапряжений, перенести гнетущую его силу в другую, безопасную для его духа область!» [6, с. 45] Посредством символа становится возможным перенести акцентуализацию из одной области в другую, сгладить или исчерпать конфликт, облегчить внутреннее состояние человека. «Душа человечества выявляла себя от начала веков лишь в художественной фантастике, – иначе, что бы мы о ней знали! Ее творческая мощь постигается нами только в ее

сновидениях, воплощенных в религии, мифы и произведения искусства. Поэтому никакая психология не в состоянии (это прочно внушил нашей эпохе Фрейд) доискаться до подлинно личного в человеке, если она рассматривает только его сознательные и ответственные действия; ей приходится спуститься вглубь, туда, где существо человека становится мифом и создает наиподлиннейшую картину его жизни, в творчески стремительном потоке стихийно-бессознательного» [6, с. 45]. З. Фрейд изучал сферу бессознательного отдельно взятого человека в рамках его самого и рассматривал мифологию как материал влияния на психическую сферу личности в соответствии с данной эпохи.

«Из работ Фрейда следует, что невротические симптомы, сновидения, ошибочные действия и т. п. можно рассматривать как своеобразные знаки (тексты), замещающие вытесненные переживания (конфликт мотивов) и репрезентирующие их в сознании и поведении» [2, с. 83]. Из вышесказанного следует, что З. Фрейд при образовании сновидений рассматривает два момента:

- 1) конкретные мысли, составляющие скрытое содержание (смысловое начало) и являющиеся внутренней речью, протекающей на уровне предсознания;
- 2) трансформацию этих мыслей в символы и символические образы явного содержания (процесс наглядной и символической репрезентации). Преобразование символических образов в сюжет есть их вторичная переработка (вторичный процесс).

Помимо смещения – одного из вариантов перевода скрытых мыслей в явное содержание, охватывающего репрезентацию значимых мыслей через второстепенные детали (операции по деконтекстуализации элементов скрытого содержания), З. Фрейд характеризует и другой вариант – конденсацию – сочетание разных элементов (скрытых мыслей) и единого образа, где конденсированные образы сверхдетерминированы, имеют множество интерпретаций, считаются узловыми, т. к. к ним сходятся множественные мыслительные последовательности. Эти две операции – производные всех продуктов бессознательного. Такая кодировка скрытого содержания (конкретных мыслей) может быть представлена на самом разном знаковом материале: «знаки – символы и иконические знаки сновидений, знаки – индексы и иконические знаки ошибочных и симптоматических действий и т. д.» [2, с. 83].

Существовала и «вторая» теория символов, представленная моделью ребусов, согласно которой образы сновидений рассматривались как однозначные сексуальные символы, в соответствии образ – символ (знак), вне текста. Эту теорию З. Фрейд

заимствовал у В. Штекеля. При этом сверхдетерминированность редуцируется до однозначного механического детерминизма. Влияние этой теории распространилось у З. Фрейда на гипертрофированное понимание сексуальности. Он разграничивал символы по половому признаку. Одни отождествлял с фаллосом, другие – с вульвой или с другой явно выраженной частью женского начала. И также считал такую технику вспомогательной, пользовался ею при изучении однотипных символов. «Фрейд пишет, что ошибки его предшественников сводятся к тому, что они пытались вывести смысл сновидений непосредственно из образов его явного содержания, а не из их связей (через поверхностные ассоциации) со скрытыми мыслями» [2, с. 84], что противоречит языку «символического». Далее следует, «что анализу (т. е. деконденсации и реконтекстуализации) подлежит не «пиктографический», а словесный текст, поскольку «пиктографический» текст имеет смысл как «означающее» словесное. А так как поверхностные ассоциации служат связующим звеном между скрытыми мыслями и явным содержанием, то их «знаковые соотношения», о которых говорит Фрейд, выявляются на основе данных ассоциативной техники» [2, с. 85].

Если З. Фрейд видел в культуре систему запретов, ограничивающих естественные влечения и трактовал символ как орудие регламентации взаимодействия сознания и бессознательного, то его ученик К. Юнг наделил символы совсем иными функциями. К. Юнг устремил свои взоры в область коллективного бессознательного, осуществил выход во вне, за рамки индивидуальности. К. Юнг изучал воздействие и взаимосвязь повторяющихся мотивов мифологических сюжетов с индивидуальным бессознательным в человеке через генетическую память поколений. Он считал этот процесс всеобщим, главной составляющей которого является обновленный человеческий опыт, способствующий постижению ранних культур и древних людей. Он понимал культуру не как систему, довлеющих над человеком, запретов, а именно как систему символов. Он считал человеческую потребность в символизации более настоятельной, чем какую-либо другую. С помощью символов человек создает модель окружающего мира, строит планы поведения и сценарии развития событий, ориентируется в историческом и социальном пространстве на универсальные схемы. Поскольку символы взаимно дополняют и проясняют друг друга, вся проблематика духовной жизни в интерпретации К. Юнга в значительной степени сводится к соотношениям символов, которые могут быть художественными, политическими, мифологическими. Символические образы являются,

согласно Юнгу, соединительными звеньями между культурным наследием и опытом отдельной личности. Они служат матрицами познания. Помогая оформить и упорядочить впечатления, они создают перспективу развития личности, расставляя в «смысловые ниши» триумфы и несчастья, надежды и страхи, радости и горести [8].

Особое место отводится в психологии взглядам А. Адлера относительно данной проблемы. В отличие от З. Фрейда и К. Юнга, он обратил внимание на доминантное проявление таких черт личности, которые возникают помимо человеческой воли и способны изменить его жизнь. Фактически, это вытесненные бессознательные желания: стремления к превосходству над другими людьми, к лидерству, к возможности властвования и закрепленные в символах, сводившееся к их изучению и расшифровке.

Э. Эриксон – исследователь в области психологии культуры с точки зрения психоаналитической сущности человека. Последователь З. Фрейда, создатель теории идентичности (тождественности) личности самой себе и среде, в которой эта личность существует. Он постулирует: «Имеет значение именно свобода выбора и убежденность, что никто не властен тебя ограничивать или помыкать тобой. Поэтому констатирующие символы – владения, положения, одинаковости и выбора, изменения, вызова – становятся для всех важными» [7, с. 26–27]. Очень ярко представлена символизация у Э. Эриксона на обрядовых примерах гомогенных культур (народы сиу), которые использовали «сновидения» и как руководства к действию, и как способ предотвращения анархических тенденций. Согласно традиции, если их дети развивались не в соответствии со сложившимися нормами и канонами поведения, то подростков сиу без питания, воды и оружия отправляли в прерию за «сновидениями». Под сновидениями понималось состояние транса, в результате которого у человека наступало «озарение» и возникало видение (символическая картина, либо отдельные символы), трактованием которых занималась специальная комиссия знатоков сновидений. Считалось, что таким символическим путем происходило указание на правильные жизненные установки, данные свыше сверхъестественными силами индивидууму. Варианты интерпретации символов зависели от их сочетания, последовательностей, от точности передачи видения сновидцем, от совпадения впечатлений ото сна с признаваемой формой содержания наяву. Испытание проходило как в определенный временной отрезок, так и в течение всей жизни. Случались абсурдные явления, вызывающие либо ужас, либо смех, «примитивные» культуры признают власть бессознательного. Если только девиант способен убедительно доказать, что видел соответствующий сон, считается, что его

отклонение основывается на сверхестественной «божьей каре», а не на индивидуальной мотивации. Как психопатологи, мы должны восхищаться тем способом, который эти «примитивные» сообщества выбрали для сохранения гибкого влияния там, где более изощренные общественные устройства часто терпят неудачу» [7, с. 141].

Ученые отмечают, что, несмотря на выделение значения сознательной сферы в структуре личности у Э. Эриксона в процессе идентификации интуитивно-бессознательное начало берет верх над сознательно-рефлексивным. Именно поэтому, по мнению исследователей, он понимает «эго» как вещь в себе.

Значительное содержательное приращение к интерпретации символа было создано Э. Фроммом – ученым, стремящимся выяснить механизм связи между психикой индивида и социальной структурой общества, где главной причиной тревоги и образования неврозов является конфликт, возникающий еще в детстве при столкновении малыша с враждебным ему миром, и который углубляется при недостатке любви и внимания.

В ряде работ Э. Фромм подчеркивает, что у человека есть неизменная сущность, сохраняющаяся как ядро во всех культурах и при всех исторических обстоятельствах, но это не биологически заданная природа, а всегда «вторая природа», собственно человеческий мир культуры. Но человеческое сознание окружено огромной областью бессознательного, которое не бездействует и не лежит спокойно в глубине, а неосознанно прорывается наружу и оказывает решающее воздействие на человеческое поведение, во многом обуславливая его. Поэтому не только в бессознательной сфере, но и на уровне сознания тяжелые жизненные ситуации достаточно часто рассматриваются людьми как нереальные, как иллюзии, как мифы. Людям легче посредством символизации переносить превратности судьбы, «уходя» в мир грез и мечты, отступая от трезвой мысли, т. к. человек испытывает дискомфорт и чувствует себя напряженно в разорванном, расколотом мире. Он интуитивно тянется к целостности, к нерасчлененному мироощущению и смыслопостижению, совершая процесс мифоконструирования – одного из важнейших факторов развития культуры. А миф освящает человеческое существование, придает существованию смысл и надежду. Он также помогает одолеть безжалостную, критическую направленность сознания и на всех уровнях способен снимать остроту мировоззренческих противоречий. Э. Фромм пишет о том, что сознание современного среднего человека является, главным образом, ложным сознанием, состоящим из вымыслов и иллюзий, а то, что человек даже и не осознает, является на-

стоящей реальностью. И поскольку целью теории Э. Фромма является «здоровое» общество через возможности психоанализа «социальной и индивидуальной терапии», то Э. Фромм обращается к мифу, к сокровищнице мирового эмоционально-чувственного переживания, теоретического и проективного мышления, креативной деятельности, социального и коммуникативного опыта.

Миф предстает перед нами как выдающееся достояние этого опыта, как ценнейший материал жизни, как тип индивидуального человеческого самостроительства и уникальный способ существования. В мифе воплощаются тайные желания человека, его галлюцинаторные картины и драматургия бессознательного, творчески – преобразующее и нормативно – упорядочивающее начала. В понимании Э. Фромма, специфика мифа – это не строго аналитическое знание, но вместе с тем миф и не хаотичен. Он указывает на наличие в мифе своеобразной логики, позволяющей осваивать огромный материал бессознательного и иррационального, накопленный человечеством.

Занимаясь символами, Эрих Фромм дает им свою классификацию.

1. Условные (конвенциональные) символы – не имеющие никакой внутренней связи с обозначаемым и основаны на соглашении, «заключенном» между людьми, наиболее знакомые и используемые в повседневном языке (математические, технические символы, слова как способ выражения языка).
2. Случайные символы – возникающие по пространственно-временной смежности (принцип условного рефлекса И.П. Павлова), базирующиеся на случайном совпадении, имеющие индивидуальные характеристики и не являющиеся закономерностью (запах духов, способный вызывать определенный эмоциональный настрой и ассоциации с конкретным человеком).
3. Универсальные символы – основанные на внутренней связи между символом и символизируемым (исключающие случайностей, воспринимаемыми одинаково всеми людьми).

Последняя группа символов позволила внести мотивационную составляющую в трактовку механизма реализации символа на уровне индивидуального сознания, выделив интенциональные и экстенциональные значения символа для личности. К аналогичной трактовке придут и отечественные психологи, но значительно позже и в рамках иных методологических ориентиров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артемьева Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики / под ред. И.Б. Ханиной. – М.: Наука; Смысл, 1999. – 350 с.

2. Гуманитарная коллекция. «Бессознательное». – Новочеркасск: Агентство «Сагуна», 1994.
3. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М., 1975.
4. Новая философская энциклопедия: в 4 т. – М.: Мысль, 2000.
5. Петренко В.Ф. Психосемантика сознания: учебник. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – 208 с.
6. Цвейг С. Зигмунд Фрейд // Биографическая трилогия «Врачевание и психика». – М.: Изд-во «Форкис», 1990.
7. Эриксон Э. «Детство и общество». – СПб.: Речь, 2000.
8. Юнг К.Г. Введение в психоанализ. Гл. 5. – М., 1997.

Мертёхин А.А.

Эта статья посвящена проблеме интернет-зависимости. В статье рассматриваются психологические характеристики интернет зависимого поведения. Также рассматриваются известные подходы к исследованию критериев, характеризующих это явление.

Ключевые слова: интернет-зависимость, аддиктивное поведение, не химическая зависимость.

Интернет предоставляет множество возможностей в области труда, образования, коммуникации. Тем не менее есть те, которые выходят за пределы нормального времяпрепровождения и имеют свойства аддиктивного поведения, теряя связь с реальной жизнью. Критерии зависимого поведения могут применяться и к игромании и навязчивым покупкам, но общими характеристиками этих видов аддиктивного поведения являются потеря контроля, навязчивый поиск ощущений и удовольствия. Для интернет-зависимости существуют такие критерии, как количество и сложность пристрастия к Интернету, коммуникативная наркомания, сексуальная патология. До сих пор большее количество дискуссионных форумов и статей на эту тему, были прерогативой Соединенных Штатов и Канады, в силу исторического развития Интернета. Опыт учителей, врачей, подтверждает мнение о существовании данного вида аддиктивного поведения, цель которого Интернет. Важными задачами современности являются восстановление здоровых отношений в сети Интернет и более тесная интеграция виртуальной реальности в повседневной жизни.

Интернет сочетает в себе преимущества простоты общения без границ и пределов, удобство работы, качество, точность и своевременность исследования информационных ресурсов, а также является интерактивной игровой площадкой и беспрецедентным с точки зрения доступности способом работы с информацией. Возникает достаточно интересный вопрос. Есть ли взаимодополняемость между двумя мирами, в особенности, если виртуальный мир не будет заменять собой реальный и, на самом деле, будет являться более доступным, в котором легче жить и взаимодействовать, чем в реальном мире? Как сказал J.G. Ballard: «Это самое большое событие в эволюции человечества. Впервые человечество

сможет отрицать реальность и заменить ее предпочтительным взглядом».

В зарубежных исследованиях говорится о все большем и большем количестве интернет-аддиктов – тех, кто привык к связи и коммуникации, о таких наркоманах виртуальной реальности, кто проводит много часов в режиме онлайн, чтобы посетить и находиться как можно дольше в виртуальном сообществе, идеализированном выражении глобальной деревни Маршалла Маклюэна.

С точки зрения текущей классификации, данные нехимические аддикции, сексуальная зависимость, игромания, компульсивные покупки плохо определены. Они находятся в суб-классах, таких как «расстройства контроля над побуждениями» или «другие расстройства привычек и импульсов» [4].

Отто Фенихель (1949) первый поднял вопрос о «наркомании без наркотиков». С тех пор некоторые авторы рассматривали эту тему, но большинство авторов предпочитают сохранять данный термин как зависимость от пристрастия к различным психоактивным веществам – Уолкер (1989), Рахлин (1990).

Для некоторых авторов подобные критерии могут быть применены к расстройствам пищевого поведения – Лейси (1993), патологических игроманов – Valleur Гриффитс (1991, 1997).

В настоящее время концепция Интернет-зависимости подразумевает наличие нескольких DSM-IV критериев зависимости и признается многими учеными (Brenner, 1996; Griffiths, 1997; Шерер, 1996; Velea, 1997; Young, 1996).

Интернет-аддикты – люди, которые не в силах заполнить пустоту идентификации, сталкиваются с трудностями, часто мнимыми. Они считают, что можно выиграть или проиграть, что неизбежно приведет к ситуации разочарования, тревожным явлениям, поведенческим расстройствам. Он ищет

убежище, бегство от реальности. Группа киберрадикалов пытается отыскать подходящую эмоциональную среду, и в этом случае космические темы, эротические и чувственные имеют первостепенное значение.

Для этих людей замена реального виртуальным является единственным возможным способом жить. По мнению американского психиатра И.К. Голдберга, склонность к Интернету, может определить отказ или уклонение от других проблем повседневной жизни.

Аддитивное поведение, отражающее социально-эмоциональную незрелость, определяет невозможность построения истинно утвердившейся психосоциальной идентичности. Ситуация усиливается существованием чувства непризнания. Также у них есть чувство одиночества, изолированности [1].

Чрезмерное стремление к поддержке приводит к покорному поведению и страху изолирования, которое появляется в начале взрослой жизни и присутствует в различных контекстах, о чем свидетельствует, по меньшей мере, несколько событий, таких как:

- 1) имеются проблемы принятия решений в повседневной жизни;
- 2) необходимость другим людям брать на себя ответственность в самых важных областях жизни;
- 3) испытывает трудности в выражении несогласия с другими из-за страха потерять их поддержку и одобрение;
- 4) чрезмерные действия, чтобы получить заботу и поддержку других, вплоть до добровольного выбора делать неприятные вещи;
- 5) чувствует себя неудобно или беспомощным, когда из-за преувеличенных страхов не в состоянии справиться с проблемами повседневной жизни;
- 6) когда близкие отношения заканчиваются, срочно ищет другие отношения, которые могут обеспечить уход и поддержку, которые так нужны;
- 7) наиболее сильно заботит страх быть предоставленным самим себе.

Появление этого нового виртуального мира не только отражает глубокий кризис представлений личности, но оно также влияет на образ самого себя, изменяет экзистенциально-смысловые цели. Виртуальное пространство приносит с собой стресс. Интернет предлагает все достопримечательности мира гладкими, идеально отполированными, идеализированными, т. е. характеризуется стабильной защитной обстановкой. Тем не менее эта среда постоянно находится в движении энтропийного источника динамики и мобилизации.

Аддитивное поведение как объект взаимодействия с Интернетом часто сопровождается одним или несколькими другими линиями, в полной или частичной форме [1]. Это может быть одним из объяснений столь продолжительного времяпрепровождения в сети. По словам доктора Джеффри Голдсмит, люди, ко-

торые имеют трудности в общении в реальной жизни с другими, наиболее вероятно становятся зависимыми от возможности связи, предлагаемые Web [2].

Большое количество серферов интернет-аддиктов отвечают критериям для их включения в категорию патологических игроков. Некоторые из этих символов имеют свойства аддитивного поведения: жадность, крайнее удовольствие от акта зависимости, повторения и, особенно, потери контроля. При условии, что DSM-IV характеризуется заботой об игре, тенденция к увеличению продолжительности, неспособность остановить зависимого поведения, неспособность сопротивляться импульсам.

В настоящее время существует около 500 сайтов в интернете для онлайн-игр. Во Франции два веб-сайта предлагают виртуальные игры, склонных к развитию наркомании.

Компульсивное поведение покупки является постоянным или периодическим, характеризуется непреодолимым желанием покупать, создание напряженного поведения и его разрешение в процессе покупки. Что является более или менее специфическим для такого рода поведения, так это акт покупки от простого владения объектом.

Начиная с семидесятых годов североамериканские исследователи обратили пристальное внимание на виртуальный мир, предлагаемый компьютером.

Обследования опубликованы преподавателями университетов США, взяты из реальных случаев, отвечающих всем критериям классификации зависимостей. Таким образом, ассоциация помогает интернет-аддиктам. Американский психиатр И.К. Голдберг выкладывает на своей информационной странице в сети типичные критерии нарушений Интернет-зависимости (IAD), которые созданы по образцу критериев в DSM-IV. Зависимость определяется тремя (или более) из следующих критериев в течение минимум 12 месяцев [3].

Критерии для диагностики интернет-зависимости (адаптированный DSM – IV).

1. Количество времени, которое нужно провести в Интернет, чтобы достичь удовлетворения (иногда чувство удовольствия от общения в сети граничит с эйфорией), заметно возрастает.
2. Если человек не увеличивает количество времени, которое он проводит в Интернет, то эффект заметно снижается.

Комментарий: первый и второй пункт отражают возникновение такого феномена, как толерантность. Похожие признаки можно наблюдать у курящих людей, алкоголиков и наркоманов, когда для получения удовольствия необходимо постоянно увеличивать дозировку. В данном случае «дозировкой» является количество времени, затраченного на пребывание в виртуальном мире.

1. Пользователь совершает попытки отказаться от Интернета или хотя бы меньше проводить в нем меньше времени
2. Прекращение или сокращение времени, проводимого в Интернете, приводит пользователя к плохому самочувствию, которое развивается в течении от нескольких дней до месяца и выражается двумя или более факторами:
 - эмоциональное и двигательное возбуждение;
 - тревога;
 - навязчивые размышления о том, что сейчас происходит в Интернете;
 - фантазии и мечты об Интернете;
 - произвольные или непроизвольные движения пальцами, напоминающие печатание на клавиатуре.

Комментарий: такие эмоциональные изменения, происходящие с человеком, пытающимся отказаться или сократить время пребывания в сети, указывают на его психологическую зависимость от сети Интернет и на языке психиатрии называются «синдром отказа» или «абстинентный синдром». В данном случае он сильно отличается от «абстинентного синдрома» курильщиков, наркоманов, алкоголиков и переедающих людей, т. к. у них развивается не только психологическая, но и физическая зависимость к вредным веществам и их отмена переживается намного тяжелее. Преимущество Интернет-зависимости в отсутствии физиологического компонента. Синдром отмены вызывает у пользователя снижение или нарушение социальной, профессиональной или другой деятельности.

1. Использование Интернета позволяет избежать «синдрома отказа».
2. Интернет часто используется в течение большого количества времени или чаще, чем было задумано.
3. Значимая социальная, профессиональная деятельность, отдых прекращаются или редуцируются в связи с использованием Интернета.
4. Использование Интернета продолжается, несмотря на знание об имеющихся или постоянных физических, психологических, социальных, профессиональных проблемах, которые вызываются использованием Интернета (недосыпание, семейные (супружеские) проблемы, опоздания на назначенные на утро встречи, пренебрежение профессиональными обязанностями, или чувство оставленности значимыми другими).

Основные шесть типов интернет-зависимости следующие.

1. Навязчивый веб-серфинг – бесконечные путешествия по Всемирной паутине, поиск информации.

2. Пристрастие к виртуальному общению и виртуальным знакомствам – большие объёмы переписки, постоянное участие в чатах, веб-форумах, избыточность знакомых и друзей в Сети.
3. Игровая зависимость – навязчивое увлечение компьютерными играми по сети.
4. Навязчивая финансовая потребность – игра по сети в азартные игры, ненужные покупки в интернет-магазинах или постоянные участия в интернет-аукционах.
5. Пристрастие к просмотру фильмов через Интернет, когда больной может провести перед экраном весь день, не отрываясь из-за того, что в сети можно посмотреть практически любой фильм или передачу.
6. Киберсексуальная зависимость – навязчивое влечение к посещению порносайтов и занятию киберсексом.

Качественный анализ показал, что главенствующим фактором, благодаря которому все эти явления получили широкое распространение, является анонимность личности в Сети. Особенно анонимность увязана с четырьмя главными расстройствами:

- 1) усиление различных отклонений от нормы, ложь и даже совершение криминальных действий типа просмотра и скачивания непристойных или же вовсе запрещенных картинок (детская порнография), которые широко распространены на многих сайтах. Важно, чтобы люди, которые развлекаются просмотром подобных изображений, тем самым удовлетворяя свои сексуальные фантазии, не пытались контактировать с детьми в реальной жизни. Такое поведение очень часто начинается как любопытство и заканчивается как влечение. В таких случаях показана психотерапия, направленная на нормализацию сексуальных влечений с целью уменьшения потенциального риска;
- 2) виртуальный мир, в котором человек чувствует себя намного комфортней, чем в реальной жизни, создает угрозу для успешности реальной жизни. В подобных случаях используется персональная психотерапия, целью которой является уменьшение желания сбежать из реального мира;
- 3) интерактивные компоненты сети облегчают создание кибер-зависимости, которая негативно влияет на внутрисемейные отношения и стабильность семьи как таковой, что в первую очередь ведет к отдалению людей в реальной жизни и к разводу. В этом случае применяется индивидуальная и семейная терапия, в процессе которой супруги работают вместе над примирением и воссозданием семьи после измен в сети;
- 4) возможность создания альтернативных онлайн персонажей в зависимости от настроения и желания самого пользователя, что создает

возможность уйти от реального мира с его эмоциональными проблемами (например, стресс, депрессия, беспокойство), или же от простых жизненных сложностей (обилие работы, проблемы в учебе, внезапная безработица, расстройство в семье). Мгновенное бегство в фантастический мир Интернет служит поддержкой для привыкания, за которым следует ухудшение настроения и психологические разногласия, которые лечатся психотерапией и, в случае необходимости, фармакологическим вмешательством.

Американское психологическое общество, представило исследование, проведенное Кимберли Янг, Университет Питтсбурга, Брэдфорд, в котором было отмечено, что были выявлены 396 мужчин и женщин, которые подключаются через Интернет в среднем 38 часов в неделю. В статье представлен вывод о существовании реальной зависимости, которые могут разрушить личные отношения и работу этих навязчивых пользователей, ведущих к потере рабочих мест и их социально-профессиональный отрыв. У большого числа пользователей сети есть все критерии DSM-IV, применимые к алкоголикам и наркоманам. После сбора анамнеза можно выделить три преобладающих аспекта:

- идея сообщества – для удовлетворения «друзей» онлайн;
- фантазия – принятие новой личности и сексуальные фантазии;
- мощь – мгновенный доступ к информации и новым людям.

В заключение мы можем считать, что, если клиническая реабилитация наркомании является общепринятым явлением, то новые пристрастия – игромания, патологическая сексуальность, навязчивый шопинг – все еще находятся в процессе принятия научным сообществом. Основная трудность проявляется

в установлении обоснованных критериев определения. В настоящее время в классификации (DSM-IV) эти линии находятся в категории «расстройства импульсного контроля», которая может также включать понятие «Интернет-зависимость». Последняя мало известна в профессиональных кругах. Тем не менее интернет-вектор культурной революции поможет нам стать более эффективными по отношению к качеству и своевременности информации. Студенты, преподаватели имеют возможность общаться и быть в курсе научного прогресса. Интернет предоставляет огромные базы данных, огромное количество сайтов, представляет университеты и клубы по интересам.

Интернет в настоящее время является частью реальности, будущее развитие «информационной магистрали» будет очень мощным инструментом на службе человечества.

Реальное и виртуальное пространство не неразделимы и они дополняют и поясняют друг друга. Человечество должно стремиться принимать во внимание необходимость в изменении его отношения к реальному и виртуальному. Мир реальности по определению является закрытым, а виртуальный мир движется к бесконечности, в связи с воображением.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bailly D., Venisse J.-L. Dependance et conduites de dependance. – 1994. – P. 105–111.
2. Bergeret J. Les conduites addictives // Approche clinique et therapeutique. – 1991. – P. 83–86.
3. Cyberaddiction: Nouvelle "toxicomanie sans drogues" // Consulté le. – 15 octobre 2011.
4. Goddard M., Goddard P. Internet et la medecine. – 1997. – P. 51–54.
5. Internetaddiction: Symptômes psychologiques // Consulté le. – 15 octobre 2011.

ДИНАМИКА ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СОБСТВЕННЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ НАВЫКАХ У ВОЛОНТЕРОВ СТУДЕНЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ

**Мамедова П.Р.,
Сарелайнен А.И.**

Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках Программы развития деятельности студенческих объединений ЮФУ на 2012-2013 гг.

В статье приведены результаты исследования коммуникативных свойств у волонтеров Студенческой психологической службы ЮФУ. Показаны связи между коммуникативными свойствами и склонностью брать ответственность и уверенность в себе.

Ключевые слова: коммуникативные свойства, волонтеры, уверенность в себе.

Студенческая психологическая служба ЮФУ была создана в 1999 г. активными студентами из числа членов Союза студентов. В своей деятельности она решала две основные задачи. Первая задача – это приобретение профессионального опыта и отработка навыков работы студентами старших курсов психологического факультета. Второй задачей службы было осуществление психологического сопровождения и в ряде случаев оказание психологической помощи студентам всех факультетов университета. В силу ряда условий, таких как многочисленность студенческого контингента, нацеленность работы Психологической службы на работу с младшими курсами и др., основной формой работы проекта стала тренинговая форма. Среди основных тем проводимых тренингов были такие темы, как: «Лидерство», «Командообразование», «Развитие креативности». За годы существования проекта этот перечень тем пополнился темами «Управление временем», «Навыки саморегуляции», «Профориентация» и другие. Задачи проекта остались прежними – получение профессиональных навыков студентами-психологами (волонтерами службы) и получение психологической поддержки студентами других факультетов.

В рамках этой статьи мы опишем результаты исследования, участниками которого стали волонтеры Студенческой психологической службы. В период проведения исследования с сентября по ноябрь 2012 г. был осуществлен набор новых участников службы. В ходе своего участия в проекте волонтеры прошли обучение нескольким методам психологической работы: арт-терапии, нейро-лингвистическому программированию, телесно-ориентированной психотерапии. Также они обучились теории и практике разработки и проведения тренингов. В результате своего обучения каждый волонтер разработал программу тренингового занятия, рассчитанного на сту-

денческую аудиторию. Средняя продолжительность такого занятия составляла 3–4 часа. Затем волонтеры провели в парах от 6 до 9 тренингов по собственным программам для студентов не психологических факультетов ЮФУ и других вузов.

Тренинг – метод активного обучения, направленный на развитие знаний, умений и навыков и социальных установок [1]. И особенность тренингового обучения такова, что во многом этот процесс двусторонний. Обучаются не только участники тренинга, приобретают новые навыки и их ведущие, развивают в себе определенные качества. На наш взгляд, среди таких качеств можно выделить коммуникативные свойства, уверенность в себе в ситуации общения, уровень принятия ответственности за происходящее.

Вышеописанная ситуация определила выбором нами темы исследования.

Цель исследования: изучить изменения представлений о коммуникативных свойствах и уверенности в себе у волонтеров Студенческой психологической службы.

Задачи

1. Изучить уровень развития общительности у волонтеров на разных стадиях участия в проекте.
2. Выявить степень развития коммуникативной толерантности и ее изменения в ходе участия в работе психологической службы.
3. Исследовать уровень уверенности в себе в ситуации общения у волонтеров проекта.
4. Определить локус контроля и его изменение у волонтеров проекта.

В соответствии с определенными задачами исследования нами были выдвинуты гипотезы о том, что:

- представления об уровне собственных коммуникативных характеристик у волонтеров на разных стадиях проекта будет различаться;

- изменение уровня коммуникативных свойств у волонтеров связано с изменением у них уровня интернальности контроля.

Для подтверждения выдвинутых гипотез нами были отобраны следующие методики, направленные на выявление уровня того или иного коммуникативного свойства.

1. Тест В.Ф. Ряховского, способный определить уровень общительности, коммуникативности и коммуникабельности респондента. Тест содержит 16 вопросов, ответы на которые позволяют описывать типичное или предпочитаемое поведение респондента в различных по сложности и эмоциональной насыщенности ситуациях коммуникации [3].
2. Тест «Коммуникативная толерантность» (В.В. Бойко), который направлен на исследование уровня коммуникативной толерантности личности, т. е. степень переносимости ею неприятных или неприемлемых, по ее мнению, психических состояний и поступков партнеров по взаимодействию. Тест представлен в виде 9 шкал, в каждой из которой респонденту предлагается оценить 5 утверждений (мы сократили число предлагаемых утверждений до двух) [4].
3. Тест Райдаса, использующийся для диагностики уверенности в себе, которая преимущественно проявляется в общении с окружающими, т. е. «коммуникативной» уверенности. Тест представляет собой 30 утверждений, описывающих различные типы поведения [2].
4. Опросник уровня субъективного контроля (К. Томас). Методика представляет собой модифицированный вариант опросника американского психолога Дж. Роттера. С его помощью можно оценить уровень субъективного контроля над разнообразными ситуациями, другими словами, определить степень ответственности человека за свои поступки и свою жизнь. Опросник УСК состоит из 44 предложений-утверждений, касающихся экстернальности-интернальности в межличностных (производственных и семейных) отношениях, а также в отношении собственного здоровья [2].

Этапы исследования

Практическое исследование проводилось в несколько этапов:

- 1) выбор психодиагностических методик;
- 2) первичное психодиагностическое обследование. Оно проводилось сразу после набора волонтерского состава для измерения коммуникативных характеристик каждого из волонтеров (сентябрь 2012);
- 3) повторное психодиагностическое обследование. Было проведено по окончании практики ведения

тренингов для выявления динамики характеристик волонтеров (ноябрь 2012);

- 4) обработка и интерпретация результатов.

Объектом исследования выступили 12 человек – волонтеры Студенческой психологической службы. Средний возраст участников исследования 20 лет (крайние показатели от 18 до 22 лет). Среднее время обучения на факультете психологии 3 года (крайние показатели: 2 курс и 5 курс). В выборку вошли волонтеры, как имеющие опыт ведения тренингов до проекта, так и волонтеры без опыта ведения тренингов.

Результаты исследования

Прежде всего, нами было проведено сравнение средних значений показателей по каждому тесту, полученных при диагностике волонтеров перед практикой ведения тренингов в рамках работы Студенческой психологической службы и после (первичная и повторная психодиагностики). Результаты приведены в таблице 1.

Таблица 1

Результаты исследования коммуникативных свойств и интернальности у волонтеров

	Методика Ряховского	Методика «Коммуникативная толерантность»	Методика Райдаса	«Общая интернальность» УСК	«Интернальность достижений» УСК	«Интернальность неудач» УСК	«Интернальность семейных отношений» УСК	«Интернальность производственных отношений» УСК	«Интернальность межличностных отношений» УСК	«Интернальность здоровья» УСК
Первичная психодиагностика	10,6	17,2	70,3	52,8	16,8	11,3	5,8	12,4	5,8	3,3
Повторная психодиагностика	11,0	19,7	72,3	58,0	16,4	11,7	6,6	14,9	5,5	5,9

Анализ средних значений выявил незначительную динамику в сфере коммуникативной толерантности по методике Бойко и уверенности в себе в общении по методике Райдаса. У волонтеров психологической службы несколько повысились показатели по методике Райдаса «Уверенность в общении». Этот результат, как нам представляется, отражает повышение уверенности у волонтеров в собственной коммуникативной компетентности, а также получение ими опыта общения с различной аудиторией. Некоторое повышение показателя коммуникативной толерантности, свидетельствующее о повышении нетерпимости к недостаткам других, мы склонны

трактовать как уточнение «границ» собственной толерантности. Для студентов-психологов зачастую свойственно стереотипное представление о специалисте своей профессии, как о помогающем и принимающем все и вся. Однако в реальности процесс психологической помощи – это процесс, в котором обе стороны стоят на «взрослой» ответственной позиции и в задачи психолога не входит бесконечно опекать клиента. Столкновение с этими фактами на практике дало возможность волонтерам терпимее относиться к своей «нетерпимости» и давать более искренние ответы.

Видимые изменения проявились среди следующих показателей:

- шкала «Общая интернальность» по методике УСК, что свидетельствует о повышении уровня субъективного контроля над любыми значимыми ситуациями, т. е. повысился уровень собственной ответственности волонтеров за события, происходящие в их жизни;
- шкала «Интернальность в области производственных отношений». Волонтеры стали в большей степени осознавать собственные действия как важный фактор в организации профессиональной деятельности. У нас есть предположение, что осознание собственной профессиональной компетентности и ее роста в результате обучения позволило волонтерам чаще брать на себя ответственность за результат тренинговой деятельности;
- интернальность в отношении здоровья к болезни. Это говорит о повышении уровня ответственности за состояние собственного здоровья волонтеров. Повышение внимания к собственным чувствам, собственному состоянию, а также обучение простым и эффективным приемам саморегуляции и оптимизации функционального состояния повлияло на рост этого показателя. Получив инструменты для профилактики в сфере здоровья, волонтеры стали считать себя более способными нести ответственность за эту сторону своей жизни.

Учитывая все вышеперечисленное, можно заметить, что основные изменения затронули главным образом интернальность волонтеров проекта. Специфика ведения тренингов, новизна этой деятельности и собственная неопытность вынуждает волонтеров тщательно готовиться к каждому новому занятию, что требует определенной ответственности от любого из них. В области коммуникативных свойств произошла корректировка представлений

о собственной уверенности в общении, толерантности к партнерам по общению. Представления волонтеров изменились и стали более точными в результате практического использования этих свойств и качеств.

Для сравнения полученных данных и выявления значимых различий между характеристиками волонтеров до и после практики ведения тренингов мы воспользовались программным пакетом SPSS и применили к данным статистические процедуры обработки.

Поскольку распределение данных было отличным от нормального мы применяли непараметрические критерии статистической обработки. Для выявления различий между результатами первичной и повторной диагностики мы использовали U-критерий Манна-Уитни. В результате значимые различия (уровень значимости $p < 0,05$) были выявлены по шкале «Интернальность здоровья» методики УСК.

Для проверки наличия связей между изменениями в уровне коммуникативных свойств и уровнем интернальности у волонтеров мы использовали корреляционный анализ Пирсона.

В результате показатель общительности по Ряховскому оказался связан средней по силе отрицательной связью с уровнем уверенности в себе по методике Райдаса ($r = 0,697$, $p < 0,05$) и с «Интернальностью в межличностных отношениях» ($r = 0,65$, $p < 0,05$) и слабой отрицательной связью с данными по шкале «Интернальность в межличностных отношениях» ($r = 0,584$, $p < 0,05$).

Таким образом, снижение уровня общительности по Ряховскому связано с повышением уверенности в себе по Райдасу, с повышением интернальности в межличностных и производственных отношениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вачков И. Основы технологии группового тренинга. – М.: Изд-во «Ось-89», 1999.
2. Реан А.А. Практическая психодиагностика личности: учеб. пособие. – СПб.: Изд-во СПб ун-та, 2001.
3. Психология общения. Энциклопедический словарь / под общ. ред. А.А. Бодалева. – М.: Изд-во «Когито-Центр», 2011.
4. Щеколдина С.Д. Тренинг толерантности. – М.: Ось-89, 2004.
5. Наследов А.Д. Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных: учебное пособие. – СПб.: Речь, 2004.

ТРЕНИНГОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК СРЕДСТВО ПРОФИЛАКТИКИ СТРЕССОВЫХ СОСТОЯНИЙ

Есипова Д.Е.

Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках Программы развития деятельности студенческих объединений ЮФУ на 2012-2013 гг.

В статье дается теоретический анализ проблемы стресса и стрессоустойчивости. Рассматриваются особенности работы со стрессом в различных направлениях психотерапии. Определяются цели, задачи и основные этапы групповой работы, направленной на повышение стрессоустойчивости.

Ключевые слова: стресс, стрессоустойчивость, антистрессовый тренинг.

Проблема стресса и стрессоустойчивости в последние годы становится одной из самых актуальных тем в мировой психологической науке и практике. Ее актуальность заключается, в том, что стресс, оказывая воздействие, как на физическое здоровье организма, так и на психические процессы и социально-психологические функции, отражается на всех сферах жизнедеятельности человека и откладывает свой отпечаток на его возможности и способы взаимодействия с окружающим миром. Особую актуальность проблема развития стрессоустойчивости приобретает в связи с социальной, экономической, политической и практической значимостью обеспечения должного уровня стрессоустойчивости в общественно необходимых видах деятельности.

Родоначальником и основателем концепции стресса является канадский ученый Г. Селье. Исследователь определил стресс, как «состояние, проявляющееся специфическим синдромом, который включает в себя все неспецифически вызванные изменения в биологической системе» [14, с. 6]. Центральным положением его концепции является гомеостатическая модель самосохранения организма и мобилизации ресурсов для реакции на стрессор. Все воздействия на организм он подразделил на специфические и стереотипные неспецифические эффекты стресса, которые проявляются в виде общего адаптационного синдрома. Этот синдром в своем развитии проходит три стадии: 1) реакцию тревоги; 2) стадию резистентности; 3) стадию истощения [14].

Исследователи выделяют два вида стресса: эустресс и дистресс. Эустресс – это положительный стресс без нарушений адаптации организма. Эустресс оказывает на человека мобилизирующее влияние: улучшает внимание, реакции, психическую деятельность, повышает адаптационные возможности организма.

Однако, чаще всего, под стрессом понимают реакции именно на негативные воздействия внешней среды, то есть дистресс. Дистресс оказывает отрицательное влияние на организм, психическую деятельность и поведение человека вплоть до полной их дезорганизации [1, 4, 5, 13].

Разновидностью крайнего проявления стресса являются острые стрессовые расстройства, к которым в настоящее время относят острую стрессовую реакцию и собственно – острое стрессовое расстройство. Острая стрессовая реакция является реакцией организма на особо выраженные стрессовые факторы. На начальном этапе наблюдается состояние растерянности, характеризующееся дезориентацией, сужением восприятия и внимания. В последующем развивается тревога, паника, злоба, отчаяние или ступор. В большинстве случаев симптомы реакции развиваются в течение нескольких минут, а их выраженность уменьшается через пару 24–48 часов. В отличие от острой стрессовой реакции, длительность острого стрессового расстройства может варьироваться от 2 дней до 4-х недель. Оно сопровождается ощущением отгороженности и потери связи с реальностью, бесчувствием, деперсонализацией [11]. Если же расстройство длится более 4-х недель, то здесь мы можем говорить о гораздо более серьезном последствии воздействия стресса, а именно о посттравматическом стрессовом расстройстве (ПТСР). «ПТСР – это непсихотическая отсроченная реакция на травматический стресс, способный вызвать психические нарушения практически у любого человека» [15, с. 16]. Н.В. Тарабрина отмечает, что стресс становится травматическим тогда, когда результатом воздействия стрессора является нарушение в психической сфере по аналогии с физическими нарушениями. В качестве стрессора в таких

случаях выступают травматические ситуации – экстремальные критические события, которые обладают мощным негативным воздействием, ситуации угрозы, требующие от индивида экстраординарных усилий по совладанию с последствиями воздействия [15]. Травматические события включают в себя участие в боевых действиях, насилие над личностью (включая сексуальное), физические насильственные действия, грабеж, издевательства, пребывание в заложниках, нападение террористов, нахождение в плену, участие в дорожно-транспортных происшествиях, получение сведений о наличии смертельного, неизлечимого заболевания и др. [9, 16, 19]. Развитие ПТСР оставляет свой отпечаток на всех сторонах внутреннего мира и личности человека: от его мировоззрения до образа «Я», его отношения к себе и к окружающему миру, что оказывает значительное влияние на дальнейшую жизнь человека.

Еще одной разновидностью крайнего проявления стресса является так называемая шоковая травма. Шоковая травма связана с кратковременным, массивным и внезапным воздействием стрессоров на человека, и переживается человеком как ситуация, угрожающая его жизни, свободе действий и независимости. Она порождает крайние психологические защитные реакции: рефлекс бегства/борьбы (flight or fight) и/или диссоциацию/тоническую обездвиженность. Долгосрочными симптомами неразрешенного шока могут быть различные фобии, панические атаки, депрессия, ослабленная или пониженная эмоциональная реакция, «пограничное» поведение, сниженный интерес к жизни, появление чувства отдаленности, отчужденности, изолированности и т. д. [17]

Таким образом, мы видим, что проблема стресса является актуальной, а обеспечение психологической защиты и повышения уровня устойчивости к стрессу имеет большое социальное и общественное значение.

На сегодняшний день существует ряд исследований, посвященных проблеме стрессоустойчивости [1, 4, 8, 10].

В своей работе О.В. Лозгачева под стрессоустойчивостью понимает «комплексное свойство человека, которое характеризуется необходимой степенью адаптации индивида к воздействию экстремальных и/или кумулятивных внешних и внутренних факторов в процессе жизнедеятельности, обусловленное уровнем активации ресурсов организма и психики индивида, проявляющееся в показателях его функционального состояния и работоспособности» [10, с. 158].

По мнению ведущего современного специалиста в области изучения психологического стресса В.А. Бодрова, стрессоустойчивость – это

«интегративное свойство человека, которое, во-первых, характеризует степень его адаптации к воздействию экстремальных факторов внешней (гигиенические условия, социальное окружение и т. п.) и внутренней (личной) среды и деятельности. Во-вторых, оно определяется уровнем функциональной надежности субъекта деятельности и развития психических, физиологических и социальных механизмов регуляции текущего функционального состояния и поведения в этих условиях. И, в-третьих, это свойство проявляется в активации функциональных ресурсов (и оперативных резервов) организма и психики, а также в изменении работоспособности и поведения человека, направленных на предупреждение функциональных расстройств, негативных эмоциональных переживаний и нарушений эффективности и надежности деятельности» [4, с. 352].

В структуре стрессоустойчивости личности психологи выделяют эмоциональный, волевой, коммуникативный, мотивационный, интеллектуальный и другие компоненты [4, 8, 10].

Таким образом, стрессоустойчивость является сложным и емким качеством личности. В нем объединен целый комплекс способностей, широкий круг разноуровневых явлений.

Рассмотрим некоторые особенности работы со стрессом и повышения стрессоустойчивости в рамках различных психотерапевтических направлений.

1. Когнитивная психотерапия основана на теории, в соответствии с которой поведение человека определяется его мыслями о самом себе и его роли в обществе. Неэффективное поведение обусловлено укоренившимися стереотипными мыслями, которые могут привести к когнитивным искажениям или ошибками в мышлении. Эта теория ориентирована на коррекцию подобных когнитивных искажений и, являющихся их следствием, поведенческих установок, направленных на самозащиту. В рамках когнитивной психотерапии предполагается, что влияние стресса является результатом неточной оценки событий, и изменение этой оценки, следовательно, должно привести к изменению эмоционального состояния клиента. В когнитивной терапии обучают по-другому реагировать на ситуации, вызывающие беспокойство. Устраняются иррациональные суждения, возникшие на фоне тревоги и косвенным образом поддерживающие ее, путем оспаривания их уместности [3].
2. В теории телесно-ориентированной психотерапии, каждый стресс продуцирует состояние напряженности в теле. В нормальном состоянии напряженность исчезает, когда стресс уменьшается. Хронические же напряжения, сохраняющиеся после провокации стресса, видоизменяются

в неосознаваемые телесные позы (muscular set). Такие хронические мышечные напряжения разрушают эмоциональное здоровье, так как уменьшают индивидуальную энергию, ограничивают подвижность (естественную спонтанную игру и движения мускулатуры), ограничивают самовыражение. В данном случае, работа с телом включает как манипулятивные процедуры, так и специальные упражнения. Манипулятивные процедуры состоят из массажа, контролируемых надавливаний, мягких прикосновений для расслабления зажатых мышц. Упражнения призваны помочь человеку войти в контакт с его напряжениями и снять их путем соответствующих движений [2, 17].

3. В рамках нейролингвистического программирования (НЛП) также развиты техники повышения стрессоустойчивости. Якорные техники НЛП – простой и надежный способ, как для того, чтобы облегчать доступ в «ресурсное состояние», так и избегать попадания в «проблемное», связанное со стрессовой ситуацией. Это такие техники, как: «Взмах», «Коллапс якорей», «Дыхание жизни» и др. Важной базой вышеперечисленных техник, является прием диссоциации, то есть «отделение» клиента от своих переживаний [6].
4. Применение арт-терапии позволяет не только снять стресс, но и высвободить творческое начало. В настоящее время существует множество видов арт-терапии: цветотерапия, музыкотерапия, песочная терапия, работа с глиной, рисование, фототерапия и др. Применение методик арт-терапии позволяет клиенту расслабиться, значительно повысить эмоциональный фон и достичь внутренней гармонии [7].
5. В рамках суггестивной психотерапии широкое распространение в работе со стрессовыми состояниями получила аутогенная тренировка. Эффективность аутогенной тренировки в значительной степени определяется тем, что особое психофизиологическое состояние, сопровождающее аутогенное погружение, позволяет организму человека запустить механизмы саморегуляции и восстановления работы нарушенных функций. Аутогенная тренировка позволяет быстро избавляться от усталости, эффективно мобилизовать свое физическое состояние, снять психическое напряжение, возникающее в результате воздействия стрессовых ситуаций [18].

Таким образом, мы видим, что проблема стресса, а также методы и приемы психотерапевтической работы над повышением устойчивости к нему активно разрабатываются в различных направлениях психотерапии.

Итак, рассмотрев понятие стресса и стрессоустойчивости, а также особенности работы с ним

в различных психотерапевтических направлениях, мы можем выделить цели, задачи и этапы групповой работы со стрессовыми состояниями.

Г.Б. Моница и Н.В. Раннала определили анти-стрессовый тренинг как «область практической психологии, ориентированную на использование интерактивных, аутоактивных, психокоррекционных методов, с целью развития внешних и внутренних ресурсов стрессоустойчивости личности» [12, с. 14].

По нашему мнению, целью тренинга должно стать обучение методам и приемам снятия внутреннего напряжения, подходящими способами для каждого участника, а также формирование таких стратегий поведения, которые будут способствовать повышению стрессоустойчивости.

Задачами тренинга являются:

- формирование адекватного представления о стрессе и его влиянии на тело и психику человека;
- восстановление психоэнергетических ресурсов организма;
- освоение техник психической саморегуляции;
- повышение жизненной стойкости и работоспособности;
- приобретение умений преодолевать жизненные трудности и профессиональные стрессы.

Проведение тренинга предполагается разделить его на 4 взаимодополняющих этапа.

На первом этапе происходит ознакомление участников с основными понятиями теории стресса: определение стресса; виды стресса: положительный (эустресс) и отрицательный (дистресс); фазы стресса (тревога, резистентность, истощение); симптомы стресса (физические, психические, поведенческие, эмоциональные); причины возникновения стрессов (внутриличностные, профессиональные, социально-экономические); виды стрессогенных факторов, то есть агентов, вызывающих стресс.

На втором этапе с помощью техник работы с телом, основанных на сознательном расслаблении мышц, и дыхательных техник, предполагается приведение участников в состояние расслабления, покоя, результатом чего может стать снижение уровня психического напряжения. Со снижением психического напряжения, предполагается повышение эмоционального фона, достижение внутренней гармонии, появление у участников уверенности в своих силах.

На третьем этапе закрепляются ресурсные для участников состояния. С помощью методов самовнушения, составляются формулы для достижения требуемых физиологических, психологических и эмоциональных состояний. Происходит расширение диапазона поведенческих стратегий. Вырабатываются навыки эффективного поведения в стрессовых ситуациях.

На четвертом этапе происходит завершение тренинга. Участники делятся с группой своими ощущениями, эмоциями, полученными навыками.

Итак, мы видим, что формирование стрессоустойчивости является залогом психического здоровья людей. Использование мероприятий по профилактике стрессовых состояний способствует совершенствованию у человека готовности к выполнению задач профессиональной деятельности, а также поддержанию на оптимальном уровне показателей психического здоровья. Умение эффективно справляться со стрессовыми ситуациями, обусловленными современной повседневной деятельностью, может значительно повысить уровень эффективности деятельности, улучшить взаимодействие с другими людьми, а также способствовать самореализации личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апчел В.Я., Цыган В.Н. Стресс и стрессоустойчивость человека. – СПб.: ВМА, 1999. – 86 с.
2. Баскаков В.Ю. Хрестоматия по телесно-ориентированной психотерапии и психотехнике. – М.: Смысл, 2000. – 192 с.
3. Бек Д. Когнитивная терапия. Полное руководство. – М.: Изд-во Вильямс, 2006. – 400 с.
4. Василюк Ф.Е. Психология переживания: анализ преодоления критических ситуаций. – М.: Изд-во московского университета, 1984. – 200 с.
5. Китаев-Смык Л.А. Психология стресса. – М.: Наука, 1983. – 368 с.
6. Ковалев С.В. Основы нейролингвистического программирования: учебное пособие. – М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2001. – 160 с.
7. Копытин А.И. Теория и практика арт-терапии. – СПб.: Изд-во: Питер, 2002. – 368 с.
8. Ли Канг Хи. Социально-психологические технологии формирования стрессоустойчивости человека: автореф. дис. ...канд. психол. наук. – М.: РГСУ, 2005. – 26 с.
9. Литвинцев С.В., Снедков Е.В., Резник А.М. Боевая психическая травма. – М.: Медицина, 2005. – 432 с.
10. Лозгачева О.В. Формирование стрессоустойчивости на этапе профессионализации: На примере юридического Вуза: дис. ...канд. психол. наук. – Екатеринбург, 2004. – 158 с.
11. Международная классификация болезней (10-й пересмотр). – М., 1994. – 2432 с.
12. Моница Г.Б., Раннала Н.В. Тренинг «Ресурсы стрессоустойчивости». – СПб.: Речь, 2009. – 250 с.
13. Селье Г. Стресс без дистресса. – М.: Изд-во Прогресс, 1982. – 68 с.
14. Селье Г. Очерки об адаптационном синдроме. – М.: Медгиз, 1960. – 255 с.
15. Тарабрина Н.В. Практикум по психологии посттравматического стресса. – СПб.: Питер, 2001. – 272 с.
16. Тарабрина Н.В. Психология посттравматического стресса: интегративный подход: автореф. дис. ... док. псих. наук. – СПб., 2008.
17. Телесная психотерапия. Бодинамика / пер. с англ. / ред.-сост. В.Б. Березкина-Орлова. – М.: АСТ, 2010. – 409 с.
18. Шульц И.Г. Аутогенная тренировка. – М.: Медицина, 1985. – 32 с.
19. Elklit A. Victimization and PTSD in a Danish national youth probability sample // J.Am.Acad.Child.Adolesc. Psychiatry. – 2002. – Vol. 41. – P. 174–181.

ТРЕНИНГ НАВЫКОВ ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА

Мельникова А.А.

Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках Программы развития деятельности студенческих объединений ЮФУ на 2012-2013 гг.

Конкуренция за внимание потребителей, соперничество в политике, работе – все это ставит людей и организации перед фактом необходимости постоянного развития. В связи с этим спрос на развитие имиджа набирает все большие обороты. Как известно, спрос рождает предложение. Одними из наиболее быстрых и эффективных способов формирования имиджа стали тренинги. Такие тренинги сочетают в себе теорию, практику, а также возможность раскрытия потенциала.

Ключевые слова: формирование имиджа, тренинг.

Термин «имидж» стал объектом повышенного интереса в конце прошлого столетия. Причиной тому стали изменениями, происходившие в экономической и социальной сфере жизни.

Политическая, социальная и экономическая ситуация привела к изменениям в жизни отдельных индивидов, а также в социальных группах. Личность стала восприниматься как центральное звено в общественной системе [15]. Это, в свою очередь, привело к росту значимости индивидуальности. Высокой социальной значимостью стали обладать отличительные особенности личности, гибкость мышления, профессионализм, открытость новому и высокая коммуникабельность. Развитие рыночной экономики, а также демократических отношений привели к усилению внимания к имиджу. Новый уровень конкуренции в политике, рынке труда и на потребительском рынке поставили организации и людей перед необходимостью постоянного развития и наиболее выгодного самопрезентирования в различных сферах социальных отношений.

Формирование новых образцов общественного поведения стало одним из факторов, способствующих повышению интереса к успешности человека [14]. Необходимо, чтобы такое поведение соответствовало новому этапу развития социума и его задачам. А это значит, что особую актуальность приобретают проблемы, связанные с формированием имиджа, механизмов его построения, условий и принципов создания, адаптации к социуму, на которое он ориентирован.

Существенными в жизни каждого становятся самореализация, умение преподать себя, самопрезентация, признание, принятие обществом. Одним из неотъемлемых факторов успеха становится

удачный имидж [12]. Ценность финансовых активов по-прежнему является крайне неустойчивой, многие сферы жизни подвержены нестабильному колебанию цен. При этом ценность репутации, которая является одной из ключевых составляющих имиджа, почти не зависит от экономических факторов. Это дает основание предполагать, что продолжающая свой рост конкуренция все больше будет способствовать росту значимости имиджа. Речь, в данном случае, идет не только о формировании и развитии имиджа компании, бренда, но также и об имидже личности.

Внимание к имиджу позволяет с большей вероятностью рассчитывать на успехи в бизнесе, а также на достойную репутацию в деловых кругах общения [3, 4]. Грамотно построенный имидж – залог перспектив профессионального роста и востребованности.

Именно так можно объяснить резкие взлеты молодых специалистов. Они добиваются успеха в бизнесе не своим опытом, респектабельностью или очень глубокими знаниями. Их секрет кроется в умело выстроенном имидже, который позволяет им обходить даже тех, кто имеет гораздо больше знаний и опыта. Значимость гендерного имиджа также довольно высока, ведь успехи (или их отсутствие) в личной жизни оказывают влияние и на другие сферы [11].

Человек, стремящийся к достижению своих целей, использует различные ресурсы. Среди них: деньги, связи, время, а также – имидж. Когда люди видят человека впервые, у них складывается о нем первое впечатление. Оно диктует им как себя вести с этим человеком, какими качествами, вероятно, он обладает. При долгосрочном знакомстве о субъекте имиджа также складывается определенное мнение: его профессионализм, личностные качества, степень его компетентности в той или иной области.

Как известно, человек – существо социальное. Поэтому, живя в обществе, мы, желая того или нет, подвергаемся влиянию этого общества. Мы принимаем его нравственно-эстетические эталоны красоты, поведения, норм, ценностей. Все это оказывает влияние на наше отношение к тем, кто соответствует или не соответствует этим эталонам. Чем более значим для человека его имидж, чем больше он над ним работает, тем с большей вероятностью он будет успешен в жизни [13].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что положительный имидж личности – неоспоримо важный ресурс в вопросах достижения профессионального и личностного успеха.

Рассмотрим вопрос о важности тренинговых технологий в формировании имиджа личности. В самом общем виде тренинг представляет собой краткий интенсивный курс обучения, в котором сочетаются небольшие теоретические экскурсы и практическое апробирование полученных знаний, закрепление ранее не использовавшихся (или мало использовавшихся) навыков [10].

Помимо высокой скорости без потери эффективности, весомым аргументом в пользу тренингов является тот факт, что во время их прохождения тренер не ставит перед собой задачу «научить жить». Выполняя упражнения под руководством тренера, участники пользуются возможностью посмотреть на одну проблему с разных точек зрения, благодаря другим членам группы [8]. Каждый может обнаружить что-то новое для себя, принять или не принять чью-либо сторону, прочувствовать действенность того или иного навыка на практике.

Еще один плюс тренинговых занятий – так называемый принцип «здесь и сейчас». Этот принцип предполагает, что участники тренинговой группы не могут ссылаться на свой опыт в прошлом, либо на возможный результат в будущем. Таким образом, пресекаются некоторые механизмы психологической защиты, позволяя актуализировать человека в происходящем на данный момент в группе, в нем самом.

Также принято считать важными следующие принципы тренинговой работы:

- персонифицированные высказывания, т. е. обращение происходит не к группе, не к кому-то неопределенному, а к конкретному человеку;
- конфиденциальность, при которой участники обязуются не раскрывать происходящее в тренинге за его пределами, что позволяет группе иметь больше возможности раскрыться;
- не осуждение личности, настраивающее участников на то, что в тренинге можно критиковать поступки, но личность – критиковать запрещено;
- уважение чужого мнения, предполагающее, что каждый участник будет иметь возможность

высказаться по поводу происходящего и будет услышан другими, а также сможет узнать, как к нему относятся члены группы.

Основной целью тренинга формирования имиджа является, как правило, содействие направленному созданию или коррекции индивидуального имиджа. Считается, что со временем имидж «устаревает» и нуждается в адаптации к постоянно изменяющимся условиям социального окружения. Необходим непрерывный процесс контроля над его эффективностью и соответствующая корректировка. Однако следует отметить, что подобные изменения возможны лишь в случае бессознательной готовности к ним индивида (при коррекции имиджа человека). Степень такой готовности определяется ментальными установками подсознания, уровнем тревожности, потребностью в признании, социальной принадлежности, одобрении [2]. При достижении бессознательной готовности определенного уровня, индивид формирует свои запросы относительно имиджевой проблематики, проводит мониторинг рыночных предложений и подбирает оптимальные для себя способы развития. Одним из наиболее востребованных запросов на современном этапе считаются именно различные виды тренингов по формированию имиджа. И это не случайно, т. к. такой тренинг позволяет за короткое время добиться максимально эффективных результатов, раскрыть потенциал каждого участника тренинговой группы, создать свой неповторимый образ, стать более уверенным в себе, более привлекательным в глазах окружающих и успешным человеком [7].

Поскольку формирование имиджа включает в себя множество различных аспектов, чаще всего тренинговые программы на эту тему осуществляются в несколько этапов, несколько занятий. Эти занятия могут быть посвящены работе с габитарными, психологическими, вербальными, кинетическими и средовыми аспектами имиджа. Разнообразие изучаемого материала определяет и разнообразие принципов и подходов, используемых для его освоения. К ним относятся принципы саморегуляции, подходы различных психологических направлений, методы саморазвития и т. д. [5].

Обычно тренеры тренинговых групп стремятся завоевать потенциальных потребителей тем, что умеют лучше всего или тем, что им самим было бы интересно более подробно рассмотреть. В зависимости от этих индивидуальных предпочтений и определяется уклон тренинга формирования имиджа в какую-либо сторону. Примеров существует довольно много: «Имидж и Ваш цветовой тип поведения», «Как грамотно презентовать себя?», «Нормы делового стиля», «Корпоративный имидж», «Сам себе имиджмейкер», «Деловая женщина – это красиво» и т. п.

Тематика определяет и набор тех или иных упражнений, особый подбор теории и сочетание теории с практическими упражнениями. Рассматривая тренинг формирования имиджа в общем виде, следует описать основные задачи и этапы, встречающиеся наиболее часто.

1. Раскрытие составляющих имиджа, а также факторов, оказывающих влияние на его формирование.
2. Повышение самооценки, уверенности в себе.
3. Рассмотрение особенностей невербального общения (жесты, взгляды, мимика, позы, движения). На невербальном уровне имиджеформирующей информацией становится мимика, контакт глаз, движения тела, позы, осанка, жесты, и другие проявления кинетики. Не многие люди способны сказать, какой конкретно невербальный сигнал за что отвечает. Однако многие склонны судить о человеке по этим проявлениям.
4. Анализ особенностей вербального имиджа (развитие навыков эффективного общения). Стоит обратить внимание на то, что всего 16 % успеха на этом этапе составляет смысл слов. Остальные 84 % зависят от того, как говорит субъект. Объекты имиджа слышат тон, тембр, скорость, громкость, интонации, ритмику, четкость и уверенность в произношении. Голос – основное средство, с помощью которого привлекаются слушатели, активизируются или усыпляются, притягиваются или отталкиваются объекты имиджа. Голос отражает гораздо больше информации, чем может показаться: эмоциональное и физическое состояние, менталитет, духовность, темперамент, характер, самооценку.
5. Разбор особенностей успешной самопрезентации (включает в себя эффект первого впечатления, компетентность и др.)
6. Создание «Я-образа», т. е. имидж-конструирование, габитарный имидж (уникальный привлекательный для окружающих образ с неповторимыми личностными чертами, включающий в себя психологические особенности личности, а также стилизацию, колористику, подбор оптимальной прически, аксессуаров, макияжа, способов коррекции недостатков фигуры, привлечения внимания к ее достоинствам и т. д.).

Такие ученые, как В.М. Шепель, Л. Браун, И. Крикунова, А.С. Пелих, А.Г. Пронченко, Т.Г. Кизилова, В.Г. Горчакова во многом описали схожие с представленными выше задачами этапы формирования имиджа.

Все это говорит о том, что при выборе тренинга формирования имиджа следует обращать внимание на личность тренера, ведь каждый накладывает на тренинг отпечаток своей личности. Руководствоваться в выборе можно чем угодно:

рекомендациями знакомых, финансовыми возможностями, списком проведенных тренером занятий, рекламой или разговором с администратором тренингового центра. Тренер по имиджу должен быть одновременно PR-менеджером, дизайнером-модельером, стилистом, социологом, оратором, а самое главное – психологом или даже психотерапевтом.

Создать новый образ самому себе чрезвычайно трудно, практически невозможно, т. к. совсем немногие обладают всеми вышеперечисленными профессиональными навыками и знаниями. Вот почему тренинг в работе над образом (при наличии профессионального тренера) является самым оптимальным выбором [9].

При этом следует учесть, что новый образ может полноценно функционировать только тогда, когда он соответствует внутреннему состоянию человека, его темпераменту, характеру и образу жизни [6]. Внешность отражает внутреннее состояние, а внутреннее состояние отражает внешность. Часто, сменив свой образ жизни, поменяв мировоззрение, мы, сами того не замечая, меняем и все вокруг себя: обновляем гардероб, делаем новую стрижку, меняем цвет волос, делаем перестановку в доме или затеваем ремонт. Этот процесс может быть и обратным – изменив свое окружение, мы меняемся сами.

В заключение, хотелось бы еще раз подчеркнуть огромное значение имиджа для различных сфер жизни личности. В современном мире имидж становится таким же важным ресурсом успешности, как деньги, время, связи. Он является одним из составляющих образованности и воспитанности человека, способом выстраивания моделей социального поведения [1]. Имидж – показатель успешности в профессиональной и личной жизни индивида. Тренинг формирования имиджа – один из наиболее эффективных способов работы над образом. Будьте успешными!

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверченко Л.К. Имидж и личностный рост: учебное пособие. – Новосибирск: НГАЭиУ, 1999.
2. Анцыферова Л.И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысление, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. – 2004. – Т. 15. – № 1. – С. 3–16.
3. Браун Л. Имидж – путь к успеху. – СПб.: Питер, 2000.
4. Вемъ А. Имидж – путь к успеху. – СПб.: Питер, 2010.
5. Гильманов С.А. Структура имиджа и способы его функционирования // Имиджология-2006: актуальные проблемы социального имиджмейкинга: Материалы Четвертого Международного симпозиума по имиджологии. – М.: РИЦ АИМ, 2006. – С. 55–59.

6. Горчакова В.Г. Имидж личности // Маркетинг в России и за рубежом. – 2008. – № 3.
7. Горчакова В.Г. Имидж: розыгрыш или код доступа? – Ростов-на-Дону: Феникс, 2011.
8. Горчакова В.Г. Техника перевоплощения. Имидж-тренинг в 33 шага. – USA, Charleston, SC, 2010.
9. Дэвис Ф. Создай себе имидж. – Минск: Попурри, 1998.
10. Панасюк А.Ю. Формирование имиджа: стратегия, психотехнологии, психотехники. – М.: Омега-Л, 2008.
11. Перелыгина Е.Б. Психология имиджа: учебное пособие. – М.: Аспект Пресс, 2002.
12. Пикулева О.А. Гендерные, возрастные и профессиональные особенности тактик самопрезентации: дис. ... канд. психол. наук. – СПб., 2005.
13. Спиллейн М. Создай свой имидж. – М.: Олма-пресс, 1996.
14. Шепель В.М. Имиджелогия. Как нравиться людям. – М.: Народное образование, 2002.
15. Шепель В.М. Имиджелогия: секреты личного обаяния. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2005.

ВЛИЯНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА ИЗУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ У ПОДРОСТКОВ

Качанов А.Ф.

Данная статья об исследовании, проводившемся в 7–8 классах школы № 3 в г. Ростове-на-Дону. У подростков исследовались компоненты эмоционального интеллекта, которые способствуют более эффективному изучению иностранных языков. В ходе исследования было выявлено 4 группы подростков с различными параметрами компонентов эмоционального интеллекта. В конце статьи приводятся рекомендации по улучшению эмоционального интеллекта у подростков с низкими показателями.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, идентификация, эмпатия.

Сегодня, как никогда раньше, актуален вопрос об овладении иностранным языком, так как в наше время, время мультикультурности, важно владеть иностранным языком, потому что контакты с иностранцами происходят все чаще, экономические отношения и политика выходят на мировой уровень. Поэтому необходимо понять, как сделать процесс изучения иностранного языка более эффективным, и какие личностные качества на него положительно влияют.

Цель изучения иностранного языка заключается в том, чтобы помочь человеку найти себя через другую культуру, расширить кругозор, стать уверенным в себе и в своей профессиональной компетентности, эффективно взаимодействовать с представителями других стран и культур.

При изучении иностранного языка необходимо когнитивно перестраиваться на другой пласт языкового универсума, использовать и строить ранее не существующие ассоциативные связи, задействовать мнемотехники, развивать и совершенствовать произношение и активизировать коммуникативные навыки, посредством которых презентуется сама мысль человека. Другими словами, использовать эмоциональный интеллект во всей палитре его разнообразных проявлений. Соответственно, чем развитей у подростка эмоциональный интеллект, тем эффективней будет происходить обучение языку и его использование.

Необходимо заметить, что вопрос о том, насколько эмоциональный интеллект детерминирует адаптационные возможности человека, что так же включает и изучение иностранного языка, является одним из самых дискуссионных на сегодняшний день в психологии.

Изучение иностранного языка очень часто происходит в подростковом возрасте. Этот этап человеческого развития является очень важным, так как является переходным периодом между детством и зрелостью. В этот период закладывается фундамент зрелой личности, начинают формироваться базовые коммуникативные модели, установки и моральные универсалии.

Важно понимать, что структура компонентов эмоционального интеллекта иерархична. Базу составляет идентификация эмоций, что является когнитивной способностью. На ней основаны понимание и управление эмоциями. Каждый из этих трех компонентов имеет как внутриличностную, так и межличностную сферу приложения, то есть понимание и управление своими эмоциями и эмоциями других людей. Причем внутриличностные и межличностные компоненты могут быть не одинаково развиты. Использование эмоций базируется на способности понимать и управлять эмоциями. Проявлять гибкость в восприятии и презентации информации окружающим.

Идентификация – умение точно определять наличие самого факта эмоционального переживания у себя и у других людей и умение найти для него словесное выражение.

Понимание – умение находить причины, лежащие в основе тех или иных эмоциональных состояний, и предвидеть развитие эмоций и их влияние на поведение.

Управление – умение контролировать интенсивность эмоций, их внешнее выражение и передачу другим людям, а также способность произвольно вызывать при необходимости ту или иную эмоцию.

Использование – умение в разумных количествах подключать эмоции к процессам мышления и творчества, решению проблем, оценке, поведению, общению.

Также некоторые авторы выделяют дополнительные составляющие эмоционального интеллекта: эмпатийность, разрешение конфликтов, социальные компетенции [1]. Описание и классификация составляющих эмоционального интеллекта важна для комплексного его понимания.

Саморегулирование означает способность контролировать свои внутренние состояния. Управление внутренними состояниями является своеобразным индикатором, показывающим как вести себя, соответственно внешним факторам и носит адаптивный характер. Есть люди, которые могут прийти в норму и адаптироваться быстрее, независимо от любых обстоятельств. Профессиональные спортсмены часто говорят: «Это уже произошло, есть, и я никак не могу это изменить. Нужно это принять» [2]. Саморегулирование является установлением внутреннего баланса, восстановлением «статус-кво». При этом нужно учиться вести себя уверенно, выражать свои мысли, чувства и убеждения в искренней, прямой форме, которая не нарушает целостность другого человека. Уверенность в себе предполагает осознание и принятие своих и чужих потребностей и чувств. Язык тела дает больше информации о нашем внутреннем состоянии, поэтому мы должны осознанно и целостно контролировать свои негативные эмоции, такие как: гнев, печаль, страх, робость, смущение, стыд, отвращение и адекватно их проявлять.

Осознание своих эмоций заключается в том, чтобы понимать себя, быть спокойным, верными себе и своим чувствам и эмоциям, уметь давать отдохнуть логике и рациональности, слушать и понимать других [4]. Принимать и осознавать свои внутренние чувства и при этом их удовлетворять. Очень важно, чтобы был достигнут баланс между удовлетворением собственных потребностей, принимая внутренние чувства и эмоции других людей. Также осознание своих эмоций, позволит высвободить творческий потенциал и подходить к решаемым проблемам с другой стороны. Быть верным себе, в первую очередь, означает оставаться верным своим убеждениям и вкусам, что довольно сложно для подростков, так как для них очень важна идентификация с определенной группой сверстников и принятие ее установок, норм и морали, чтобы не быть отвергнутым этой группой.

Как правило, мотивация связана с уверенностью в себе, с силой воли, решительностью, настойчивостью и оптимизмом. По словам Иосифа Нутинн: «Мотивация возникает, когда человек находится в стрессовом состоянии. Он считает нынешнюю ситуацию неудовлетворительной и представляет

себе будущую ситуацию, в которой она станет удовлетворительной» [2]. Например, если студент не любит свое произношение и прилагает усилия для его улучшения из-за страха получить негативную оценку окружающих, в этом случае мотивация внешняя. Если студент выполняет задачу, потому что это доставляет ему удовольствие, она регулируется внутренней мотивацией [2]. Мотивация имеет эмоциональный аспект и бессознательно играет доминирующую роль: она чувствительна к невербальным аспектам коммуникации (поза, жесты, тон голоса). По словам Роберта Дилтса (по мотивам работы Грегори Бейтсона), это те чувства, которые мотивируют большинство из нас, а именно: гордость, честолюбие, желание получить в обществе статус, власть, лидирующие позиции.

У человека формируется чувство собственного достоинства и уверенности в себе, когда он осознает и говорит себе: «Я достоин большего! Для меня нет невозможного!». Сегодня общество жестоко к подросткам, потому что они следуют велениям средств массовой информации. А негативный образ тела, одежды, отсутствие денег, стыд и смущение становятся реальными препятствиями для подростков осознавать собственную ценность и уважать себя. Таким образом, отсутствие концентрации во время занятий и снижению интереса к содержанию курса испытывают те подростки, которые находятся под влиянием негативных эмоций, вызванных навязанными поведенческими установками СМИ.

Эмпатия, т. е. сопереживание – интуитивное понимание других людей через эмоциональное общение, возможность понять и поделиться чувствами с собеседником [2]. Проще говоря, мы ставим себя мысленно на место других. Эта возможность уходит корнями в физиологические свойства нервной системы, которые позволяют нам резонировать с нашими товарищами. Мозг строит представления о социальном мире, основанном на модели обмена опытом, которые произошли в ходе эволюции и взаимодействия человека с окружающим его миром. Таким образом, эмпатия является одним из основных компонентов человеческой психики, которая постоянно оказывает свое влияние на события в повседневной жизни: взаимодействие с родителями, друзьями, одноклассниками, соседями, прохожими на улице, сотрудниками по работе.

Выражая эмоции, необходимо их сначала идентифицировать и понять, а потом адекватно их презентовать другим людям, чтобы окружающие поняли нас адекватно. Очевидно, нужно всего лишь правильно идентифицировать эмоции и учиться их проявлять.

Именно наши социальные навыки и компетенции, дают нам возможность инициировать, строить и поддерживать личные отношения, взаимодействовать с людьми, интегрироваться в различные социальные

группы [1]. Альфред Адлер говорит о социальном смысле, что означает: «потребность, присущая для каждого человека, чтобы осознать и актуализировать другие потребности в социуме».

Каждый шаг нашей жизни происходит в определенной социальной среде: ясли, детский сад, начальная школа, колледж, вуз, работа, семья. Таким образом, подростки должны уметь взаимодействовать с другими, чтобы интегрироваться в общество.

На основании данной классификации, было проведено исследование, в котором приняли участие школьники 7–8 классов школы № 3, г. Ростова-на-Дону, в количестве 60 человек.

Целью исследования было изучение адаптационных возможностей личности, позволяющих эффективней изучать иностранный язык.

Для этих целей использовалась методика «Функционально-установочного баланса». Эта методика базируется на типологии Карла Густава Юнга и его последователей И. Майерс и К. Бриггс. Каждый тип показывает относительно сильные и относительно слабые места в функционировании психики и тот стиль деятельности, который предпочтительнее для конкретного человека.

Данный опросник, так же как и его прототип – опросник MBTI, позволяет выявлять особенности пополнения человеком запаса энергии (шкала экстраверсия–интроверсия), различия в способе сбора информации (шкала опыт–интуиция), принятии решений (шкала разум–чувства) и организации взаимодействия с внешним миром (планирование–спонтанность). В результате вычисляется такая характеристика, как «объем», которая психологически отражает величину потенциала тестируемого. Потенциал личности равен сумме значений психических функций. Чем больше потенциал, тем большую гибкость может проявлять человек, т. е. может демонстрировать противоположные качества в зависимости от ситуации. Степень сбалансированности показывает, насколько равномерно развиты все психические функции у человека или имеется асимметрия.

Ключевым аспектом методики является не столько определение социально-психологического типа личности, сколько потенциала личности, поведенческих стереотипов, которые характеризуют устойчивость, гибкость, адаптивность личности. Поэтому значения, полученные с помощью этой методики, будет удобнее соотносить с уровнем эмоционального интеллекта.

В ходе исследования были выявлены четыре группы.

В первую группу, составляющую 25 % выборки испытуемых, состоящую из 15 человек, вошли испытуемые с высокой экстравертированностью, высоким самоконтролем, с акцентом на использование

опыта при сборе и анализе информации и высокими способностями к планированию.

Во вторую группу испытуемых, составляющую 20 % выборки, в количестве 12 человек, вошли личности с высоким уровнем экстравертированности, низким самоконтролем, с акцентом на использовании опыта при сборе и анализе информации и со средними способностями к планированию.

В третью группу, составляющую 25 % выборки испытуемых, состоящую из 15 человек вошли испытуемые со средними показателями экстравертированности, самоконтроля, с акцентом на использовании интуиции при сборе и анализе информации и с низкими способностями к планированию.

В четвертую группу, составляющую 30 % выборки испытуемых, номиналом 18 человек, вошли испытуемые с низкими показателями по уровню экстравертированности, самоконтролю, с акцентом на использовании интуиции при сборе и анализе информации и низкими способностями к планированию.

Эти характеристики отражают адаптационные возможности личности, которые осуществляются за счет гармоничного развития всех психических функций. Высокий уровень развития эмоционального интеллекта также предполагает наличие высоких адаптационных возможностей.

После диагностического этапа был разработан комплекс практических упражнений и методик по развитию и улучшению эмоционального интеллекта у подростков из четвертой группы с низкими показателями экстраверсии, самоконтроля, с акцентом на использовании интуиции при сборе и анализе информации и низкими способностями к планированию, что будет способствовать более эффективному изучению иностранного языка. А именно: обучение мнемотехникам, стресс тесты, тренинги на повышение эмоционального интеллекта и психогимнастические игры.

Таким образом, можно сделать вывод, что адаптация может достигаться различными способами и эмоциональный интеллект отражает одно из ее проявлений. То есть высокий уровень эмоционального интеллекта положительно влияет на способности к изучению иностранного языка у подростков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Dolto, Françoise, Dolto-Tolitch, Catherine et Percheminier, Colette – Paroles pour adolescents ou le complexe du homard. – Hatier, Paris, 1989. – 73 p.
2. Goleman D. L'intelligence émotionnelle. – Éditions Robert Laffont, Paris, 1997. – 92 p.
3. Julien P. Activités ludique. – CLÉ International, Paris, 1991. – 31 p.
4. Lolie, Milan Presse (articles, psycho tests).

СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ МОРАЛЬНО-НРАВСТВЕННОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Прокофьева Н.В.

Статья посвящена анализу такого сложного феномена, как морально-нравственное самоопределение человека. В ней говорится об особой актуальности проблемы морально-нравственной рефлексии, о необходимости формирования нравственного сознания и ответственности за это как самого человека, так и общества в котором он живет. Рассматривается духовно-нравственное развитие в контексте саморазвития (самореализации).

Ключевые слова: морально-нравственная рефлексия, нравственное сознание, духовность, саморазвитие, осознанность, саморегуляция, ответственность, нравственная позиция, свобода выбора, морально-нравственная автономность, морально-нравственные нормы, высшие нравственные ценности.

Проблема нравственного развития личности приобретает особую актуальность в современном российском обществе. Относительно недавно страна пережила кардинальные политические, экономические и социальные перемены. Старая система нравственных ценностей и идеалов оказалась отвергнутой, полностью разрушены традиции и социальные регуляторы, действовавшие в прошлом. Многие люди находятся в ситуации экзистенциального и идеологического вакуума, теряют смысл жизни, что ведет к необходимости поиска опоры внутри себя, к тому, чтобы самостоятельно направлять и регулировать свою жизнь. К тому же СМИ активно формируют социальный образ жестко ориентированный на «внешнюю» атрибутику успешности и потребления. Возросла необходимость в личностной морально-нравственной автономности, которая предполагает самостоятельность выборов, принятия решения и совершения определенных действий на основании внутренних критериев, с учетом собственных психологических особенностей.

Несмотря на то, что в рамках общенациональной культуры невероятно усложнены механизмы передачи духовно-нравственных ценностей, затруднена здоровая социализация молодежи и нет социальных программ, помогающих взрослому человеку осознанию и следованию истинно своим ценностям и выборам, работ посвященных данной проблематике немного.

Рассуждать о морально-нравственном сложно. Еще Лао Цзы говорил о том, что вопрос о том как сделать людей высоконравственными мог

появиться лишь у глубоко безнравственной натуры. П. Флоренский писал: «Человек в мире, но человек сложен, как мир. Мир – в человеке, но и мир сложен, как и человек» [5].

И все же поднимать вопросы морально-нравственного в контексте личностного развития с целью формирования нравственного сознания необходимо. И тем более необходимо переходить от слов к делу. Чтобы не получилось то, о чем писал Б.С. Братусь «когда все начинают говорить о нравственности, значит, нравственность в опасности» [1].

Современные ученые подчеркивают важность изучения морально-нравственного самоопределения человека, так как данная проблематика рассматривает и раскрывает сущностные особенности человека. И сейчас речь идет уже не просто об изучении данного феномена, а о системном пересмотре философских, психологических, педагогических основ современных гуманитарных направлений с точки зрения выстраивания практических шагов по культивированию «собственно человеческого в человеке» [15].

Нравственное самоопределение человека тесно связано с уровнем его духовного развития. Нравственное и духовное в человеке находится в неразрывном взаимодействии и рассматривается как высшая интегрирующая подструктура человека, которая формирует целостность психического мира личности, выступает регулятором поведения и деятельности человека, а также его взаимоотношений с миром и людьми.

Говоря о духовности того или иного человека, мы, прежде всего, рассуждаем о его морально-

нравственных приоритетах (нормах), которые служат для него ориентиром в повседневной жизни (т. е. те, которыми человек руководствуется не только опираясь на представления о том как должно быть, то утилитарными, практическими соображениями).

Так, в психологии понятие нравственности рассматривается в основном в рамках аксиологического подхода в тесной связи с понятием духовности. В данном подходе духовность описывается как высшие нравственные ценности и рассматривается с точки зрения личностных ценностей и приоритетов человека. Нравственные (духовные ценности) не подлежат иерархизации по отношению друг другу, так как ключевым понятием нравственности является свобода выбора, которая предполагает альтернативность [12].

На разных стадиях своего развития общество переживало различные периоды понимания и описания норм морали от жесткого толиона, «золотого правила нравственности», десяти заповедей, семи смертных грехов и теологических добродетелей, до полного анархического отношения к проблеме морально-нравственного и даже допустимости засила в обществе двойных стандартов.

В течение нескольких веков культивировались ценности навязанные индивиду извне. Проблема морально-нравственного рассматривалась с точки зрения социальной полезности, исходя из реалий и запросов конкретного исторического времени и обстоятельств ему сопутствующих. Не о какой альтернативности речи не шло.

Впервые о морали в категориях личностно значимого и духовного и о возможности выбирать свои собственные моральные нормы, жить вне социальных предписаний, заговорили в рамках психологии лишь в середине прошлого века представители гуманистической психологии. Так, начиная с 60-х гг. XX столетия, просматривается тенденция к индивидуализации морально-нравственных норм и отношение к ним как ответственности самого человека.

Гуманистический подход к проблеме морально-нравственного вернул человека самому себе. Так как к тому времени можно было смело констатировать, что «живой» человек выпал из поля зрения научной психологии.

Сегодня ситуация меняется. Вопросы нравственного развития личности рассматриваются не только в рамках классической психологии. Методологической базой данного направления стала духовно-нравственная психология, которую называют «четвертой волной» в психологии. Расширяется опыт работы с сознанием человека. Выстраивается новый взгляд на проблему внутреннего мира человека, его уникального Я,

видения человеческой реальности в ее сугубо субъективном восприятии. Человек уже не сводится к совокупности психических и физиологических функций, а существует как интегральное единство опыта духовного, душевного и телесного. Проблему становления нравственного в человеке рассматривают в своих работах зарубежные и отечественные психологи: Р. Мэй, К. Юнг, К. Роджерс, А. Маслоу, Д. Бюджентал, В. Франкл, Э. Фромм, Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, Б.С. Братусь, Д.А. Леонтьев, В.П. Зинченко, Ф.Е. Василюк, В.Е. Ключко, Э.В. Галажинский, В.И. Слободчиков, С.Л. Братченко.

Изначально исследование вопроса морально-нравственного самоопределения человека новоевропейскими философами и психологами включает в себя две тенденции развития. Первая – понимание человека как общественного индивида, подчиняющегося общественной морали; вторая – понимание человека как личности устремленной к определенному идеалу (самоактуализации, зрелости, индивидуации, целостности, реализации внутренней сущности, саморазвитию, осуществлению смысла), а понимание морали как пути к внутреннему самосовершенствованию.

Термин «мораль», который появился в IV в. н. э. – это латинский аналог греческого термина «этика». В русском языке термин «нравственность» в целом является эквивалентом греческого слова «этика» и латинского «мораль». Понятие морали в большой советской энциклопедии равно понятию нравственности [18].

Очевидность близости этих терминов по этимологическому содержанию, все же не объединяет различных авторов в однозначной трактовке данных категорий, так «мораль» и «нравственность», исходя из разных смысловых контекстов, описывается ими очень по-разному [19]. Так, в психологической литературе, лишь немногие авторы жестко дифференцируют эти категории, в основном они употребляются как тождественные. Если все-таки исследовать смысловое различие двух этих категорий, то нужно сказать, что большинство авторов сходятся во мнении, что мораль – это определенные правила устанавливаемые обществом и предписывающие человеку определенное поведение, исходя из ценностей и особенностей данного общества. А нравственность – это те нормы и правила, которые человек определяет для себя сам и духовные качества, которые предопределяют его поведение. Можно сказать, что за свой моральный облик человек отвечает перед людьми, а за нравственный перед мирозданием (Богом).

Морально-нравственное становление человека проходит поэтапно, сопровождаясь кризисами взросления и иницирующими социальными актами.

Взрослый человек смотрит на свое поведение с разной нравственной глубиной в зависимости от степени своей осознанности и здорового развитого восприятия. Эти качества формируются у взрослеющего индивида социальным окружением и накладываются на его личностные особенности. Но с определенного момента он сам вправе отвечать на свои внутренние экзистенциальные вопросы, и выбирать свою нравственную линию поведения. Нравственность, как и духовность, выступает как один из базовых «экзистенциалов» зрелой личности [16].

К своей нравственной позиции человек приходит через осознание и оценку норм общественного поведения, которые затем он принимает как ориентир своих поступков. В нравственной позиции заключается внутренняя мотивировка поведения человека, самоконтроль, совесть, чувство личного достоинства [17].

В современной психологии морально-нравственные категории рассматриваются с позиции двух феноменов – «идеального» и «реального». Идеалы, это то к чему стремится человек, выстраивая перспективу своего нравственного развития. Желание человека изменяться, становиться лучше, соответствовать идеалам, находящимся в его системе ценностей и есть путь нравственного развития.

Реалии нашего сложного времени диктуют необходимость перевода морально-нравственных норм из области идеального в реальное осознаваемое каждым человеком поле своего развития. «Сознательное и духовное являются выражениями сверхчувственной сложности человеческого бытия, понятого в его континуальности» [5].

О проблеме перевода морально-нравственных норм из области идеального в реальное, опираясь на современную социальную действительность, пишет Д.А. Леонтьев: «Идеалы важны именно потому, что они соотносятся с реальностью и раскрывают перспективы движения из той точки, в которой мы находимся. Если мы не понимаем в какой точке мы находимся, и говорим и думаем только об идеалах, мы не сможем решить самую главную задачу – нахождения и прокладывания пути от нашей несовершенной реальности в направлении приближения к идеалу» [10].

По мнению Э.В. Галажинского и В.Е. Клочко за последние десятилетия существенно «усложнились» процессы, связанные с миропониманием, бытием человека в мире и мира в человеке. При этом в философских и психологических работах морально-нравственного толка в основном поднимается проблема своеобразного идеала, «как должно быть», что порой совершенно не соответствует реальной действительности. Известный факт – сколько людей, столько и мнений, жизненных

миров, субъективных реальностей. Невозможно строить общество свободных, развивающихся людей без учета этого факта.

Описанная выше проблема требует новых настроек для исследования «усложнившегося» внутреннего человеческого. Вступление человечества в эпоху информационного общества не только заставляет человека становится более сложным для того, чтобы соответствовать эпохе, но сама эпоха наступает, потому что человек уже накопил необходимый потенциал сложности [5]. Нравственно человек растет тогда, когда духовные ценности, закрепленные в нормах определенного общества, становятся его сутью, предметом его выбора, неотъемлемой частью его внутреннего мира [7]. А вот о «проточности» (неригидности) духовно-нравственного развития человека можно говорить тогда, когда он, соразмеряя свои смыслы, ценности и нормы поведения с определенными обстоятельствами и социальными условиями, оставляет их открытыми к развитию и в соответствии с этими внутренними изменениями и нравственными выборами преобразовывает свое поведение и поступки [8].

Так, современные психологи (Д.А. Леонтьев, Э.В. Галажинский, Е.В. Клочко, О.М. Краснорядцева) приходят к пониманию рассмотрения феномена духовно-нравственного самоопределения человека с точки зрения саморегуляции – системы механизмов, с помощью которых человек управляет своим поведением, способствуя своей самореализации. По мнению Э.В. Галажинского и Е.В. Клочко, «...основные трансформации в сторону нарастающей сложности сегодня претерпевают ценностно-смысловые измерения жизненного пространства человека, в результате чего он оказывается перед лицом новых реалий...» [5].

Совершенно очевидно, что «усложненная реальность» нового времени требует перехода на более сложный уровень внутренней осознанности и осмысленности. И все же, сегодня в отдельной личности крайне редко можно найти стройную, логически осмысленную и соподчиненную систему норм и правил, в которых человек существует. А ведь с древних времен и до наших дней мораль (нравственность) понимается как мера господства человека над собой [6].

В наше время необходимо новое понимание нормативно-ценностной специфики устаревших фундаментальных нравственных императивов, и новое понимание природы морально-нравственного.

Важным моментом формирования морально-нравственной осознанности индивида является появление у него «внутренней, личностной свободы», «свободы как духовного состояния, самоощущения человека» [9]. Развитие нравственных интенций невозможно без чувства свободы выбора. «Духовность –

это способность переводить универсум внешнего бытия во внутреннюю вселенную личности на этической основе, способность создавать тот внутренний мир, благодаря которому реализуется сепаративность человека, его свобода от жесткой зависимости перед постоянно меняющимися ситуациями» [9, с. 25].

Д.А. Леонтьев, вслед за В. Франклом, рассматривает духовность как высший уровень человеческой саморегуляции, присущий только зрелой личности. И говорит о важности выстраивания духовного поведения человека в контексте логики смысла или жизненной необходимости и логики свободного выбора [10]. Психолог утверждает, что просто наличия морально-нравственных норм у человека недостаточно для того, чтобы его можно было назвать нравственной личностью. Важно чтобы вся жизнь и поступки человека говорили об этом факте. Поэтому, по мнению Д.А. Леонтьева, в данном контексте помимо ценностно-смысловой сферы нужно также исследовать личностный потенциал человека который понимается как «интегральная системная характеристика индивидуально-психологических особенностей личности, лежащая в основе способности личности исходить из устойчивых внутренних критериев и ориентиров в своей жизнедеятельности и сохранять стабильность деятельности и смысловых ориентаций на фоне давлений и изменяющихся внешних условий» [11].

В определении духовно-нравственного Д.А. Леонтьев подчеркивает высокое значение именно нравственного поступка, а не идеала. Он говорит об определенном виде действия: «действие, судьба которого определяется не из наличной ситуации», а определяется более широким контекстом, что позволяет человеку преодолевать внешнее и внутреннее «давление», уходить от ситуационной обусловленности поведения [11]. М.К. Мамардашвили также показал, что человек может высказывать высказывает искренние нравственные убеждения, касающиеся честности и порядочности, но когда ситуация оказывает малое или большое давление, он оказывается не в состоянии действовать в соответствии с собственными убеждениями [14].

Нравственное поведение человека обуславливает реализацию его творческих способностей. Таким образом, духовно-нравственное самоопределение напрямую связано с понятием самореализации человека, которая осуществляется в различных формах социальной активности. Это та деятельность, которую А. Адлер называет социально полезной. «Таким образом, истоки духовности необходимо искать в факте социальной сущности человека, в противопоставлении и единстве общественного и личного интересов» [2].

Духовно-нравственное развитие в контексте саморазвития и самореализации рассматривает Н.В. Марьясова. Она считает, что духовное развитие человека начинается с его самоопределения своего отношения к таким общечеловеческим ценностям как добро, истина, красота. По ее мнению, если человек хоть немного задумывается над этими категориями, это свидетельствует о субъективной значимости для него духовно-нравственных ценностей и о психологической предрасположенности к их усвоению и формированию [13]. По мнению психолога, самореализующаяся личность обладает повышенной осмысленностью своего жизненного пути, имеет внутренний стержень и тенденцию к духовному развитию. Она обладает способностью к трансценденции смысловой регуляции, что позволяет ей выходить на более высокий уровень отношения с миром [13].

В.И. Слободчиков говорит об особой реальности бытия человеческой субъективности – «духовной реальности», и о поиске особых детерминант ее становления «...именно отсюда впервые оказывается возможным вести речь о развитии третьего рода – о саморазвитии, т. е. о развитии человеком своей собственной самости» [15]. К высшей ступени духовно-нравственного бытия человека – индивидуальности, приводит способность личности «...рефлексировать себя, возвышаться над собой, быть по ту сторону самой себя, по ту сторону всякого фактического своего состояния, даже своей фактической общей природы... Человек как индивидуальность раскрывается в самобытном авторском «прочтении» социальных норм жизни, в выработке собственного, сугубо индивидуального (уникального и неповторимого) способа жизни, своего мировоззрения, собственного «необщего» лица, в следовании голосу собственной совести» [15]. Именно рефлексия, по мнению автора, дает человеку способность к тотальному преобразованию (развитию в онтогенезе). «Именно поэтому субъективность есть самый общий принцип существования человеческой реальности, но ее конкретный (теперь уже – субъектный) способ бытия и уровень духовности определяется характером и масштабом рефлексированности самой человеческой жизнедеятельности» [15].

Исходя из тезиса Э.В. Галажинского, что «человек уже накопил необходимый потенциал сложности», можно предположить, что под этим воздействием могут и должны меняться индивидуальные нормы морали и нравственности [5]. Наряду со свободой выбора, которую человек получает с определенного момента своего физиологического созревания, он становится ответственным за смыслы которыми он наполняет свою жизнь, за нравственные выборы которые ему постоянно приходится делать и поступки, которые являются мерилем всей его жизнедеятель-

ности. В Евангелии сказано: «По плодам их узнаете их». Конечно, ответственность за морально-нравственное развитие индивида лежит на семье, обществе и социальных институтах, в которых он растет и развивается. Общество и личность должны в этом вопросе идти навстречу друг другу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Братусь Б.С. К проблеме нравственного сознания в культуре уходящего века // Сайт журнала «Вопросы психологии». – URL: <http://www.voppsy.ru/issues/1993/931/931006.htm>
2. Буравлева Н.А. Понятие «духовность» в современной психологии // Вестник ТГПУ. – 2011. – № 12 (114). – С. 189–193.
3. Бузунова Л.Г. Духовность и картина мира человека // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. – 2005.
4. Василюк Ф.Е. Психология переживания. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.
5. Галажинский Э.В., Ключко В.Е. Высокие гуманитарные технологии в образовании: между гуманизмом и манипуляцией // Психология обучения. – 2010. – № 12.
6. Гусейнов А.А. Золотое правило нравственности. – М.: Молодая гвардия, 1998. – 589 с.
7. Знаков В.В. Духовность человека в зеркале психологического знания и религиозной веры // Вопросы психологии. – 1998. – № 3. – С. 104–114.
8. Костылева А.А., Костылев Е.Н. Философско-психологические основания эмпирических исследований духовности // Психология человека в современном мире: материалы Всерос. юбил. науч. конф., посвящ. 120-летию со дня рождения С.Л. Рубинштейна / отв. ред. А.Л. Журавлев и др. – М.: Ин-т психологии РАН, 2009. – Т. 6. Духовно-нравственное становление человека в современном российском обществе. – С. 66–74.
9. Крымский С.Б. Контуры духовности: новые контексты индивидуальности // Вопросы философии. – 1992. – № 12. – С. 21–28.
10. Леонтьев Д.А. Духовность, саморегуляция и ценности // Гуманитарные проблемы современной психологии (Известия Таганрогского государственного радиотехнического университета). – 2005. – № 7. – С. 16–21.
11. Личностный потенциал: структура и диагностика / под ред. Д.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2011. – С. 7–8.
12. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. – М.: Смысл, 1999. – 424 с.
13. Марьясова Н.В. Духовность личности как социокультурный феномен духовности // Психология человека в современном мире: материалы Всерос. юбил. науч. конф., посвящ. 120-летию со дня рождения С.Л. Рубинштейна / отв. ред. А.Л. Журавлев и др. – М.: Ин-т психологии РАН, 2009. – Т. 6. Духовно-нравственное становление человека в современном российском обществе. – С. 77–85.
14. Мамардашвили М.К. Лекции о Прусте (психологическая топология пути). – М.: Ad Marginem, 1995.
15. Слободчиков В.И. Проблемы человека в современном мире // Библиотека сайта «Христианская психология и антропология». – URL: <http://www.xpa-spb.ru/libr/Slobodchikov/realnost-duha.html>
16. Франкл В. Человек в поисках смысла. – М.: Прогресс, 1990. – 367 с.
17. Нравственность // Глоссарий RU. – URL: http://www.glossary.ru/cgi-bin/gl_sch2.cgi?RNwgixyilttuxy
18. Мораль // Энциклопедии & Словари – URL: http://enc-dic.com/print/enc_sovet/Moral-39753.html
19. Этимология и генезис терминов «Этика», «Мораль», «Нравственность» // ABCCBA.RU. – URL: <http://www.abccba.ru/abc16.php>

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ У ВОЛОНТЕРОВ СТУДЕНЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ ЮФУ

Черных О.В.

Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках Программы развития деятельности студенческих объединений ЮФУ на 2012-2013 гг.

Исследуются компетенции, которыми должны овладеть волонтеры студенческой психологической службы ЮФУ. В рамках педагогического эксперимента проводится опрос экспертов при помощи квалитетрической анкеты.

Ключевые слова: компетенции, квалитетрическая анкета, экспертный метод.

В рамках постоянно изменяющегося экономического пространства выпускникам учебного заведения необходимо быть уверенным в своих знаниях и сформировать траекторию жизненного пути, ориентируясь на личностные приоритеты и требования общества. Главной целью учреждения профессионального образования является подготовка высокопрофессиональных, уверенных, самостоятельных специалистов, которые хорошо ориентируются в пространстве рыночной экономики, а, значит, найдут свое место в жизни.

Южный федеральный университет создан для того, чтобы продвигать долгосрочные интересы России в сфере инновационной экономики, заключающиеся в интеграции в Евроазиатскую экономическую зону. Для этой цели подготовлен стратегический план развития – Программа развития на 2007–2010 гг., разработанная на основе следующих документов: «Концепция модернизации российского высшего образования до 2010 года», Закон Российской Федерации «Об образовании», «Основы политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 года и дальнейшую перспективу», Федеральная программа «Юг России» и Концепция инновационного развития Ростовской области [1]. Дальнейшее развитие миссии Южного федерального университета потребовало пролонгировать Программу развития до 2021 года.

Модернизация образовательного процесса в ЮФУ предполагает компетентностную направленность образовательного процесса, заключающуюся в разработке индивидуальных учебных планов студентов, внедрение рейтинговой системы оценивания учебных достижений, повышение роли преподавателя через модульное структурирование рабочих программ и создание современного

дидактического обеспечения процесса обучения [2]. Многие выпускники школ, поступая в высшие учебные заведения, не способны осуществить осознанный и мотивированный выбор будущей профессиональной деятельности. Принципиальное изменение данного положения достигается в рамках компетентностного образования, когда знания, навыки и необходимые личностные качества обучающегося заранее разложены на стандартные модели поведения – компетенции.

В результате овладения обучающимся необходимыми моделями поведения формируется его компетентность, критериями которой можно считать следующее.

Знания – набор фактов, требуемых для выполнения работы. Знания является более широким и основополагающим понятием, чем навыки. Знания представляют интеллектуальный контекст, в котором работает человек.

Навыки – владение средствами и методами выполнения определенной задачи. Навыки проявляются в широком диапазоне: от физической силы и сноровки до специализированного обучения. Общим для навыков является их конкретность.

Способность – врожденная предрасположенность выполнять определенную задачу. Способность также является близким понятием к термину «одаренность».

Стереотипы поведения означают видимые формы действий, предпринимаемых для выполнения задачи. Поведение включает в себя наследованные и приобретенные реакции на ситуации, и ситуационные раздражители. Поведение индивида проявляет его ценности, этику, убеждения и реакцию на окружающий мир. Когда человек демонстрирует уверенность в себе, формирует из коллег команду или проявляет склонность к действиям, его по-

ведение соответствует требованиям организации. Ключевым аспектом является возможность наблюдать это поведение.

Усилия (воля) – это сознательное приложение в определенном направлении ментальных и физических ресурсов. Усилия составляют ядро рабочей этики. Любому человеку можно простить нехватку таланта или средние способности, но никогда – недостаточные усилия. Без усилий человек напоминает вагоны без локомотива, которые также полны способностей, однако безжизненно стоят на рельсах [3].

Перечисленные критерии компетентности отличаются от базовых качеств, на которые концентрируют внимание американские экономисты Л.М. и С.М. Спенсеры [4] тем, что психофизиологические свойства индивида фокусируются в способностях, стереотипы поведения заменяют ценностные установки в рамках Я-концепции, а воля рассматривается как аналог мотивации.

Основной проблемой процесса обучения является стимулирование заинтересованности студента изучаемым предметом, что требует от него определенных усилий, времени и способности к саморефлексии. Преподаватель должен владеть современными образовательными технологиями, позволяющими организовать диалоговое общение с обучающимися, и попытаться сформировать их внутреннюю мотивацию. Это позволит помочь студенту подготовиться не только к будущей профессиональной деятельности, но к жизни в современном обществе с его высокой конкуренцией, борьбой за рабочие места, за профессиональный успех.

Одной из самых перспективных педагогических концепций, в рамках приоритетного национального проекта «Образование», является концепция управляемого самостоятельного обучения. Сегодня она широко используется в европейских университетах. В рамках данной концепции гармонично используется метод проектного обучения, посредством которого студенты приобретают знания и навыки, исследуя на протяжении определенного времени сложные оригинальные вопросы и тщательно разработанные задания и программы [5]. Идея познакомить студентов с проектной деятельностью берет начало в 1900-е гг., когда Джон Дьюи изучал преимущества метода «учиться на деле» [6]. В рамках проектного обучения студенты попадают в ситуацию, когда они руководствуются девизом «интересно то, что полезно» и активно конструируют знания.

Метод проектов эффективен тогда, когда студент включается в активную деятельность самостоятельно и добровольно. Примером формирования внутренней мотивации может служить проект

«Студенческая психологическая служба» Союза студентов ЮФУ, который призван обеспечить повышение профессионального уровня студентов 2–3 курса психологических факультетов. Работа службы включает в себя психологическую профессиональную подготовку студентов, которые в дальнейшем будут вести тренинги для студентов других специальностей.

Союз студентов ЮФУ одна из форм воспитательной работы вуза, осуществляемая в рамках концепции непрерывного образования и направленная на формирование всесторонне развитой, творческой личности с активной жизненной позицией, подготовку современных специалистов, конкурентоспособных на рынке труда.

Начнем с определения компетенций, которыми должны овладеть студенты в рамках данного проекта. Разработаем для этой цели квалитетрическую анкету (таблица 1), включающую в себя корреляционные пары утверждений, отражающих концептуальные и прикладные составляющие интересующих нас моделей поведения [7].

Таблица 1

Квалитетрическая анкета

Уважаемый коллега! Просим Вас принять участие в исследовании необходимых компетенций, которыми овладевают студенты психологического факультета в контексте проекта «Студенческая психологическая служба ЮФУ». Оцените справедливость предлагаемых утверждений с помощью пятибалльной шкалы: 1 – не овладевают; 2 – скорее не овладевают; 3 – затрудняюсь ответить; 4 – скорее овладевают, чем нет; 5 – овладевают.		
№	Утверждение	Балл
1	Умеет находить сильные и слабые стороны психологических программ	
2	Знаком с широким спектром психологических проблем	
3	Справляется со всеми этапами решения поставленной проблемы	
4	Знает какие методы, тесты использовать для диагностического исследования поведения человека	
5	Может критически оценивать информацию, полученную в ходе практической реализации проекта	
6	Не умеет излагать свои мысли в письменной форме и не может представить тему в четко структурированном виде	
7	Проявляет обширные знания в области разработки программ и тренингов для разрешения и профилактики конкретных задач	
8	Не умеет находить необходимую информацию для разрешения поставленной задачи	
9	Умеет прогнозировать результат своей деятельности	
10	Умеет работать с группой людей, заинтересованных в разрешении конкретной психологической проблемы	

Результаты статистической обработки оценочных суждений 8-ми экспертов представлены в таблице 2.

Таблица 2

Сводная корреляционная таблица

Эксперт № 1							
Пары	Номер и балл, X_i	Средний балл, $\langle X \rangle$	Отклонение от среднего, x_i	Номер и балл, Y_i	Средний балл, $\langle Y \rangle$	Отклонение от среднего, y_i	r_{xy}
1	2) 3	3,2	-0,2	7) 4	3,8	+0,2	-0,76
2	4) 2		-1,2	10) 5		+1,2	
3	5) 4		+0,8	1) 4		+0,2	
4	6) 4		+0,8	8) 2		-1,8	
5	3) 3		-0,2	9) 4		+0,2	
Эксперт № 2							
1	2) 4	3,4	+0,6	7) 4	3,6	+0,4	0,59
2	4) 2		-1,4	10) 4		+0,4	
3	5) 5		+1,6	1) 4		+0,4	
4	6) 2		-1,4	8) 1		-2,6	
5	3) 4		+0,6	9) 5		+1,4	
Эксперт № 3							
1	2) 4	3,6	+0,4	7) 4	3,6	+0,4	1,00
2	4) 4		+0,4	10) 4		+0,4	
3	5) 5		+1,4	1) 5		+1,4	
4	6) 1		-2,6	8) 1		-2,6	
5	3) 4		+0,4	9) 4		+0,4	
Эксперт № 4							
1	2) 4	3,8	+0,2	7) 4	3,8	+0,2	1,00
2	4) 5		+1,2	10) 5		+1,2	
3	5) 4		+0,2	1) 4		+0,2	
4	6) 1		-2,8	8) 1		-2,8	
5	3) 5		+1,2	9) 5		+1,2	
Эксперт № 5							
1	2) 5	3,2	+1,8	7) 4	3,2	+0,8	0,84
2	4) 4		+0,8	10) 4		+0,8	
3	5) 2		-1,2	1) 2		-1,2	
4	6) 2		-1,2	8) 2		-1,2	
5	3) 3		-0,2	9) 4		+0,8	
Эксперт № 6							
1	2) 4	3,6	+0,4	7) 5	4	+1	0,95
2	4) 5		+1,4	10) 5		+1	
3	5) 5		+1,4	1) 5		+1	
4	6) 1		-2,6	8) 1		-3	
5	3) 3		-0,6	9) 4		0	
Эксперт № 7							
1	2) 2	3,2	-1,2	7) 5	4,8	+0,2	0,52
2	4) 4		+0,8	10) 5		+0,2	
3	5) 5		+1,8	1) 5		+0,2	
4	6) 3		-0,2	8) 5		+0,2	
5	3) 2		-1,2	9) 4		-0,8	
Эксперт № 8							
1	2) 4	3,6	+0,4	7) 4	3,6	+0,4	0,75
2	4) 5		+1,4	10) 4		+0,4	
3	5) 4		+0,4	1) 5		+1,4	
4	6) 1		-2,6	8) 2		-1,6	
5	3) 4		+0,4	9) 3		-0,6	

Для вычисления внутренней конкордации суждений экспертов следует воспользоваться модифицированной формулой К. Пирсона для коэффициента корреляции:

$$r_{xy} = (\Sigma x_i y_i) / \sqrt{(\Sigma x_i^2) (\Sigma y_i^2)}$$

Если согласованность концептуальных и прикладных составляющих моделей поведения студентов по результатам их оценки экспертом оказалась ниже 0,60 [8], то начисленные им баллы не следует учитывать при дальнейшей статистической обработке данных квалиметрического анкетирования.

По результатам процедуры конкордации установлено, что 5 из 8-ми экспертов подтвердили свой статус, так как у экспертов № 3 и № 4 выявлена идеальная согласованность суждений, а у экспертов № 5, № 6 и № 8 внутренняя конкордация превышает минимально необходимый уровень равный 0,60. Суждение респондентов № 1, № 2 и № 7 не обладают необходимой согласованностью и должны быть исключены из рассмотрения.

Для представления дидактического кластера программы психологической службы в виде матрицы, необходимо пересчитать баллы, начисленные экспертами, прошедшими процедуру конкордации [9]. За качественную оценку экспертом позитивного утверждения (4 или 5) или некачественную оценку негативного утверждения (1, 2 или 3) начисляется 0,5 балла, а за некачественную оценку позитивного утверждения или качественную оценку негативного утверждения – 0 (таблица 3).

Таблица 3

Пересчет результатов квалиметрического анкетирования

Компетенции	Эксперты						Сумма
	3	4	5	6	8		
Значение широкого спектра психологических проблем (2 и 7)	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	5
Знание основ психодиагностики (4 и 10)	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	5
Наличие критического мышления при анализе программ (5 и 1)	0,5	0,5	0	0,5	0,5	0,5	4
Умение излагать свои мысли в рамках представленной задачи (6 и 8)	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5	5
Умение планировать и прогнозировать свою деятельность (3 и 9)	0,5	0,5	0	0	0,5	0	3,5

Учитывая общее количество экспертов, можно рассчитать относительные частоты регистрации эквивалентности 5-ти компетенций на номинальной измерительной шкале (таблица 4).

Таблица 4

Номинальное шкалирование модели компетенций

Компетенции	1	2	3	4	5
Количество экспертов	5				
Абсолютная частота	5	5	4	5	3,5
Относительная частота	1,00	1,00	0,80	1,00	0,70

На основе результатов номинального шкалирования модели компетенций можно построить дидактический кластер, в который заносятся прямые и обратные значения коэффициентов связности между различными профессиональными компетенциями программы психологической службы, образующие симметричную матрицу:

$$S = \begin{pmatrix} 1 & S_{12} & \dots & S_{1n} \\ S_{12} & 1 & \dots & S_{2n} \\ \vdots & \vdots & \ddots & \vdots \\ S_{n1} & S_{n2} & \dots & 1 \end{pmatrix}$$

Целевая функция сходства удовлетворяет следующим соотношениям матричных элементов: 1) $S(x_i, x_j) = 1/S(x_j, x_i)$; 2) $S(x_i, x_j) = 1$, если $x_i = x_j$. В дидактическом кластере компетенций коэффициент S_{pq} $S_{ij} = x_j/x_i$ характеризует степень взаимосвязи компетенции j с произвольно выбранным центральным элементом кластера i (таблица 5).

Таблица 5

Дидактический кластер компетенций

Центр	1	2	3	4	5
1	1	1,00	0,80	1,00	0,70
2	1,00	1	0,80	1	0,70
3	1,25	1,25	1	1,25	0,88
4	1	1	0,80	1	0,70
5	1,43	1,43	1,14	1,43	1

После того как из экспертной группы 5 экспертов подтвердили свой статус, мы рассчитали нормированные коэффициенты внутренней конкордации каждого эксперта (таблица 6).

Таблица 6

Нормирование внутренней конкордации экспертов

Эксперты	3	4	5	6	8
r_{xy}	1,00	1,00	0,84	0,95	0,75
Весомость	0,22	0,22	0,19	0,21	0,17

Средневзвешенные баллы, начисленные экспертами с учетом весомости их суждений, позволяют ранжировать компетенции с более высокой точностью по сравнению с дидактическим кластером.

1. «Умение излагать свои мысли в рамках поставленной задачи» (9,55).
2. «Знание основ психодиагностики» (9,11).
3. «Знание широкого спектра психологических проблем» (8,48).
4. «Наличие критического мышления при анализе программ» (8,35).
5. «Умение планировать и прогнозировать свою деятельность» (7,95).

ЛИТЕРАТУРА

1. Петегем В.В., Каменски Х. Образование для инноваций. Применение передовой методики преподавания и обучения в ЮФУ. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2009.
2. Сафонцев С.А., Сафонцева Н.Ю. Квалиметрические методы организации компетентного образования: учебное пособие. – Ростов н/Д.: Изд-во РКСИ, 2012.
3. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. – СПб: Питер, 2006.
4. Спенсер Л.М., Спенсер С.М. Компетенции на работе. – М.: HIPPO, 2005.
5. Project-Based Learning Handbook, Buck Institute for Education, 2002.
6. Дьюи Дж. Психология и педагогика мышления (Как мы мыслим). – М., 1999.
7. Сафонцев С.А., Шамильян О.И. Квалиметрический анализ процедур педагогического диагностирования // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2006. – № 5. – С. 212–215.
8. Рудинский И.Д. Основы формально-структурного моделирования систем обучения и автоматизации педагогического тестирования знаний. – М.: Изд-во «Горячая линия – Телеком», 2004.
9. Сафонцева Н.Ю., Махно А.С. Дидактическое обеспечение учебного процесса на основе модульного структурирования рабочих программ. – Ростов н/Д.: Изд-во РО ИПК и ПРО, 2010.

**САМОУВАЖЕНИЕ КАК ФАКТОР
САМООТНОШЕНИЯ ЛИЧНОСТИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ
ФРАНКОЯЗЫЧНЫХ АВТОРОВ)****Обухова Ю.В.**

В статье рассматриваются главные аспекты и подходы изучения самооотношения и самоуважения личности во французской современной психологии. Приводятся данные взаимосвязи этих понятий с биологическими, психологическими, социальными параметрами. Подчеркивается сложность и противоречие в изучении этой проблемы.

Ключевые слова: самоуважение, образ Я, Я-концепция, самооотношение.

Самоуважение является одной из наиболее давних областей исследования в зарубежной психологии. Во многих теоретических концепциях развития личности акцентируется внимание на том факте, что повышение самооценки, потребность ценить себя является фундаментальным элементом на протяжении всей жизни личности. Существенной составляющей построения самоуважения является идентичность личности и образа Я. Слово «самоуважение» в обыденной речи, и отчасти в научной литературе подразумевает и удовлетворенность собой, и принятие себя, и сознание собственного достоинства, и положительное отношение к себе, и согласованность своего наличного и идеального Я [3].

Следовательно, самоуважение отвечает за все отношения и чувства, которые субъект испытывает по отношению к себе самому и которые помогают ему ориентироваться в возможных реакциях и тем самым организовывать свое поведение. Источник самоуважения закладывается на ранних этапах развития и зависит от отношения матери или замещающего лица к ребенку. Самоуважение – процесс, результаты которого проявляются в поведении индивида, его способностях и его характеристиках. Психологические тесты и шкалы самоуважения стремятся измерить и зафиксировать более или менее устойчивую степень положительности отношения индивида к самому себе [3].

Исследователи рассматривали самоуважение как независимую переменную. Мир воспитания признает значимость самоуважения (Héroux и Farell; Obiakor) и его воздействие на общее развитие ребенка (Harter; Leonard и Gottsdanker-Willekens). В своих исследованиях Coopersmith и Rosenberg приходят к выводу, что самоуважение – психологическая составляющая, отражающая

положительную или отрицательную ценность человека в собственных глазах, в более или менее благоприятном чувстве, которое каждый испытывает по отношению к тому, чем он является, или к тому, чем он хочет быть. По мнению Lawrence, самоуважение – личная оценка соответствующая представлению о себе. В исследовании Harter, самоуважение определяется как мера, в которой каждый любит себя, принимает и уважает себя в качестве личности [3].

Paradis и Vitaro определяют самоуважение как общий взгляд на себя, отсылающий к суждению личной ценности. Это суждение возможно, ввиду того, что индивид выработал «изображение себя», то есть знание о своих личных характеристиках. С детства, индивиды конструируют образ Я, исключительно основанный на том, как о них говорят значимые другие: родители, преподаватели, товарищи. Это, с одной стороны, положительная или отрицательная оценка образа Я, которое создает самоуважение. С другой стороны, самоуважение определяется как все мнения и отношения с внешним миром, которые индивиды используют в своих отчетах: вера в личный успех, мобилизация в зависимости от цели, которую надо достигать, ощущение более или менее глубокого провала, улучшение своих показателей, извлечение пользы из предшествующих опытов отношения, напрямую связаны с самоуважением. Таким образом, самоуважение содержит некоторую рациональную посылку, которая готовит индивида в соответствии с его ожиданиями к самоподтверждению и самоопределению. Развивая эту мысль, CPA уточняет, что «самоуважение – выражение одобрения или неодобрения, отнесенного к себе самому. Оно указывает, в какой мере индивид считается способным, действительным и значительным. Именно субъективный опыт вы-

ражает значимость поведения для него». Из этого определения видно, что самоуважение направлено на относительно длительную самооценку. Поэтому самоуважение должно учесть изменения, вызванные индивидуальными опытами, полом, возрастом и другими аспектами, фиксирующими роли человека [4].

Самоуважение понятийно тесно связано с понятием «самооценка». Этот термин отсылает к процессу суждения, при помощи и в результате которого индивид рассматривает свои результаты, свои способности, свои качества, согласно личной системе ценностей и норм, и дает оценку своим успехам. Эти установки по отношению к самому себе отличаются от установок к другим объектам: здесь речь идет о положительном или отрицательном направлении к предмету или факту, и предрасположенности, к благоприятному или неблагоприятному реагированию на то, что связано с этим предметом (Horland и Janis). Эти установки могут быть сознательными или бессознательными и несущими положительные или отрицательные эмоциональные коннотации и тесно связанными с когнитивными процессами и мотивацией. Meyer, продолжая линию исследования выше указанных авторов, подчеркивает, что самоуважение есть «все умения человека положительно или отрицательно оценивать себя, – результат психического строительства и продукт когнитивной деятельности. Эти умения снабжены информацией, берущие начало из семейных и учебных сфер жизни, в которых ребенку приписываются различные значения». Развивая мысль Meyer, Doraï высказал предположение, что самоуважение возникает тогда, когда ребенок образует сам себя после интериоризации суждений, происходящих из среды. Самоуважение, следовательно, опосредуется осознанием и знанием о себе, положительной или отрицательной оценкой, которая есть у ребенка в отличие от его оценок элементов своей среды (родители, преподаватели). Его влияние ограничивается не только реакциями на момент, но и способствует тому, чтобы ориентироваться на решения и приобретения ресурсов для будущей деятельности, мотивируя или демобилизуя человека [6].

Через все эти определения мы замечаем, что самоуважение личности связано с самооценкой в отражении её способностей, её качеств и её результатов в различных областях, где она осуществляет свою компетенцию. Эта самооценка, которая является суждением, может быть положительной или отрицательной.

Самоуважение – портрет, который человек создает из своих способностей, ориентирующих его отношения и его поведение. К тому же разнообразие жизненного опыта затрагивает тот или иной аспект

человека, то, что выражается в многогранном характере самоуважения, которым долго пренебрегали в пользу общего описания. Как отмечает Shavelson, эта тенденция изменилась, и теперь исследователи учитывают специфические структуры или подструктуры себя. Поэтому Shavelson и др. различают четыре подструктуры себя: понятие себя учебного, понятие себя социального, понятие себя эмоционального, понятие себя телесного. Ссылаясь на эту классификацию, CPA выделяет четыре подструктуры: общее самоуважение (личное самоуважение), учебное самоуважение, самоуважение семейное, самоуважение социальное. Kellerhalls и другие выделяют два вида самоуважения у подростков: «self-efficacy» – оценка, с помощью которой подросток, анализируя свои склонности, может преуспеть в некоторых действиях (например, выбирать своих друзей, решить учебную проблему) и «self-worth» или чувство личной ценности – оценка, того, как именно сравнивает себя подросток с другими и как видит себя (он может считать себя хорошим или плохим, сильным или слабым, глупым или наделенным живым разумом, скупым или щедрым по отношению к другим). В том же направлении работал и Roberge-Blanchet, он, принимая во внимание различные исследования, выявил, что слабый уровень самоуважения может вызвать расстройства поведения, поэтому так важно придавать особое значение различным формам вмешательства, чтобы благоприятствовать положительному развитию самоуважения. Это развитие самоуважения очень важно, т. к. оно оказывает влияние на умственную деятельность учеников. Сходную идею высказали Toczec-Capelle и Martinot, они показали, что в течение жизни, действительно, индивид интегрирует в автобиографический список бесчисленные успехи или неудачи, которые могут вновь появиться в сопровождении эмоциональной нагрузки в некоторых положениях, с более или менее счастливыми последствиями для когнитивного функционирования. Положительное самоуважение заставляет ребенка принимать поведение, связанное с высокой учебной мотивацией, следовательно, осуществлять хорошие показатели в обучении, в то время как отрицательное самоуважение связано с понижением мотивации, приводящей к плохим учебным показателям. Положительное самоуважение учеников характеризуется следующим поведением: ученик не волнуется, легко берет слово в классе, чувствует себя в своей тарелке, как в классе, так и дома, прекрасно себя чувствует, хорошо себя оценивает в соответствии со своим возрастом, гордится своими результатами, у него есть хорошее мнение о себе. Напротив, отрицательное самоуважение характеризуется следующим поведением: ученик придумывает себе много забот, ненавидит

брать слово в классе, всегда обеспокоен, позволяет себя обескураживать, чувствует, что его родители ожидают многого от него, что ему не по силам, часто сожалеет о том, что он делает [5].

В современной французской психологической науке прослеживается несколько подходов к изучению самоуважения: диспозиционный, ситуационистский, интеракционистский, динамический.

Fortes (2003) выделяет 4 подхода к исследованию самоуважения: диспозиционный, ситуационистский, интеракционистский и динамический [8].

В рамках диспозиционного подхода самоуважение понимается как устойчивая черта личности, происходящая из восприятия своей компетенции (Epstein; Harter; Tap; Tesser). Для Epstein эта черта соответствует относительно устойчивому типичному поведению в соответствии с экологическими возможностями. Цель диспозиционного подхода состоит в том, чтобы суметь предсказать отношения и поведение людей, проявляющих эту «черту» в зависимости от их уровня самоуважения (Baumester, 1998; Brown, 1998). Когда эта черта была связана с воспринимаемой компетенцией (Blaine и Crocker, 1993; Dutton и Brown, 1997; Taradi и Swann, 1995), люди, считающиеся способными, эффективными и действующими в направлении успеха, имели высокий уровень самоуважения и наоборот, людям, мало верящим в свои способности и имеющим незначительные ожидания по отношению к себе, свойственен низкий уровень самоуважения. Высокое самоуважение может выражаться в доброте, субъективности (Kampber; Diener и Diener), а также в депрессивном состоянии (Harte; Rosenberg), в невротизме (Bagley и Evan-Wong), в беспокойстве (Rosenberg; Percell, Berwick и Beigel), в соматических симптомах, в уязвимости и т. д. [2].

В поле рассмотрения ситуационного подхода самоуважение рассматривается как состояние относительно неустойчивой личности, которая строится, поддерживается и меняется в зависимости от среды, контекста и положения. Несколько работ доказали этот характер изменения самоуважения (Brown и Markowski; Gergen: Markus и Kunda; Tesser). Самоуважение в рамках этого подхода связано с сильной чувствительностью к социальному мнению. Оно описано как переходный барометр восприятия собственной личности по отношению к другим (Leary и Baumeister). Самоуважение является барометром нашего отношения с другими, психологическим показателем, помогающим обнаружить, что нас заставляет избежать угрозы социальных отклонений (Leary, 1995). Иными словами, подразумеваемая угроза отклонения, привела бы человек к высокому положительному уважению, и к реализации для достижения соци-

ального включения. Один раз возникшее слабое неустойчивое уважение связано с подтверждением отрицательной обратной связи, тогда как сильное неустойчивое уважение связано с отклонением от отрицательной обратной связи (Kernis; Cornell; Sun; Berry и Harlow) [2].

Интеракционистский подход понимает самоуважение как состояние уравнивания. В этом подходе воспроизводится барометрическая нестабильность (Джеймс; Rosenberg), которая рассматривается в двух контекстах: нестабильность базового уровня, связанная с медленными изменениями на протяжении длительного периода нестабильности и нестабильность ситуативная, связанная с быстрыми колебаниями и быстро возникающими чувствами. Нестабильность самоуважения представлена как возникающая в результате из контекстуальных факторов (Kernis; Kernis, Grannemann и Barkley), которые зависят от обратных связей, они эволюционно присущи (Markus и Kunda) характеристикам человека (Rosenberg). Уровень и стабильность самоуважения рассмотрены в работе Kernis и других авторов [8].

Динамический подход рассматривает самоуважение как свойство динамичной системы. Динамический подход изучает временную эволюцию психологических структур, включающих в себя сложные координирующиеся элементы и образующие структуру (Novak, Vallacher, Tesser и Borkowski; Vallacher, Novak, Froehlich и Rockloff; Marks-Tarlow). В этом подходе самоуважение – свойство динамичной системы, которое включает контекстуальные факторы, социальные факторы, культурные факторы и их изменение. Duclos, Laporte & Ross постулируют, что эта динамика заключается в следующем: «Каждый индивид составляет представление о себе, представление, на которое оказывают сильные влияния все социальные изменения, происходящие год за годом (Duclos, Laporte и Ross) [8].

S. Harter в своих исследованиях постулировала взаимосвязь опытов жизни и характера самоуважения [3]. Продолжая её линию рассуждений M. Bolognini и Y. Prêteur пришли к выводу, что к факторам развития хорошего самоуважения у ребенка в процессе обучения относится: установление равновесия между «безопасностью» (показатель того, что ребенка любят) и «законом» (он несет непререкаемый смысл); объяснение ребенку его ошибок и совместно с взрослыми устранения их; побуждение ребенка к высказыванию своего собственного мнения в тех областях, в которые он включен. Общие факторы развития положительного самоуважения во всех сферах жизнедеятельности зависят от семейных, учебных, воспитательных ситуаций, качеств взаимодействия и коммуникации, представления и оценки своих

успехов и неудач. Умозаключения цитируемых авторов вызвали большие споры в научных кругах. В связи с этим О. Lescarret выделил 3 подхода: в первом из них утверждается, что самоуважение влияет на учебные результаты, во втором учебные показатели связаны с самоуважением, в третьем подчеркивается динамика и взаимосвязь учебных результатов и самоуважения (хорошие учебные результаты могут положительно усиливать самоуважение, совсем как низкое самоуважение может помешать ученику проявить себя с лучшей стороны, т.к. он считает себя обреченным на неудачу). Как утверждает большинство авторов, повышение самооценки и адаптации в области учебы позволяет ребенку усвоить систему умений, ценностей и норм. Таким образом, становится очевидным, что дети с высокой самооценкой, в отличие от детей с низкой самооценкой, лучше осознают себя и свои возможности. Напротив, последствия одного случая отрицательного отношения к себе позволяют предположить факт уменьшения мотивации к деятельности, исчезновения старательности при выполнении заданий, сходных с тем, что когда-то не получилось, сокращение планов и проектов на будущее, а также недооценивания своих компетенций [8].

В медицинском аспекте изучения самоуважения уделяется внимание изучению взаимосвязи уровня самоуважения с депрессивными рисками, тревогой и сниженным фоном настроения (С. André; Bolognini и Prêteur). Lamia упоминает, что клинические исследования показывают, что чувство провала или неадекватности по отношению к личным стремлениям спровоцировало бы состояние беспокойства у индивида [5]. Jendoubi уделяет внимание также низкому самоуважению, которое появляется очень часто с патологическими расстройствами, такими как депрессия, самоубийство, преступность, учебные проблемы [4]. Наконец, André объясняет, что «это желание оставаться печальным» у лиц со сниженным самоуважением вызвано чувством непринужденности в сочетании с обычно переживаемыми чувствовавшимися отрицательными волнениями: они лучше узнают себя в депрессии, чем в удовлетворении, так как в последнем случае чувствуют себя менее комфортно. У этих детей, страдающих от отсутствия самоуважения, наблюдается больше затруднений в поднятии настроения и возможности жить моментами радости и удовольствия [2].

На основании изучения франкоязычной литературы нами были выделены 2 дополнительных подхода: половозрастной, эмпирико-методический.

В рамках половозрастного подхода показана взаимосвязь между такими психологическими харак-

теристиками, как возраст, половая принадлежность, социальный и культурный статус и изменение самооценки. С одной стороны, это проявляется в более значительном снижении самоуважения у девушек по сравнению с юношами, а с другой стороны, самооценка меняется с возрастом: дошкольники становятся с возрастом немного больше «реалистами», у подростков в возрасте 13 лет и подростков в возрасте 19–20 лет наблюдаются наиболее лучшие показатели самоуважения, чем в других возрастных группах. В то время как в возрасте 15–18 лет самоуважение сильно обесценивается, поэтому справедливо предположить, что это период глубоких реорганизаций, не идущих без дестабилизации. Также была выделена интересная закономерность: ученики в учебных не-успехах обесценивают себя избирательно, т. е. в области интеллектуальной или учебной компетенции, а компенсация происходит в положительной оценке себя в физическом плане (чаще всего наблюдается у мальчиков, чем у девочек) [6].

В рамках эмпирико-методического подхода В. Pierrehumbert выделяет главные области в самоописаниях: у дошкольников – взаимоотношения в школе, социальные контакты, телосложение (телесное Я), внешность, поведение и чувства (экспрессивные характеристики), а у подростков – эмоциональная область, социальные контакты, учебная деятельность, внешность, общая категория (в неё обычно включены некоторые факты из жизни, которые нельзя четко отнести ни к одной из областей) [7].

Существует реальная трудность сравнения различных определений самоуважения, поскольку каждый автор наделяет это понятие разными смыслами. Определение самоуважения страдает от отсутствия общего глоссария, неразделимости понятия Я-концепции и образа Я.

Наиболее употребляемо во французской психологической литературе понятие самоуважение, которое трактуется как идеи по отношению к себе, оценка и положительные или отрицательные чувства по отношению к себе, влияющие на мотивацию и поведение индивида.

ЛИТЕРАТУРА

1. Anderson E. The code of the streets. Atlantic Monthly. – Paris, 1994. – P. 81–94.
2. André C. L'estime de soi // Recherche en soins infirmiers. – 2005. – № 82. – P. 26–30.
3. Harter S. Comprendre l'estime de soi de l'enfant et de l'adolescent: considérations historiques, théoriques et méthodologiques, in: Bolognini, M. et Prêteur, Y. (éds.). Estime de soi. Perspectives développementales. – Lausanne-Paris: Delachaux et Niestlé, 1998. – P. 57–81.

4. Jendoubi V. Estime de soi et éducation scolaire, Évaluation de la rénovation de l'enseignement primaire, Document de travail, Département de l'instruction publique de la République et Canton de Genève, 2002. – P. 12.
5. Lamia A. L'estime de soi chez les enfants français de 6 à 10 ans: Différences d'appréciation selon le sexe et l'âge, dans Bolognini M. et Prêteur Y. Estime de soi: Perspectives développementales, Delachaux et Niestlé, Paris, 1998. – P. 107–123.
6. Pierrehumbert B. «J'aimerais aimer l'école... » Quelques données sur les images et les idéaux des élèves en difficulté scolaire. in Échec à l'école. Échec de l'école / sous la dir. de Blaise Pierrehumbert, Neuchâtel: Delachaux et Niestlé, 1992. – P. 177–180.
7. Pierrehumbert B. Rankin Kelly. Image de soi et cursus scolaire: une investigation basée sur la technique du Q-SORT // Revue de psychologie appliquée. – 1990. – Vol. 40. – N°3. – P. 357–377.
8. Richard Pfister et al. Agressivité, impulsivité et estime de soi // Staps 3/2001 (n°56). – P. 33–42.

ЖЕНСКОЕ НАСИЛИЕ В ОТНОШЕНИИ МУЖЧИН: АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНЫХ И ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Осипян Н.Б.

В статье проведен анализ основных зарубежных и отечественных исследований женского насилия, осуществляемого в отношении мужчин, подчеркивается актуальность проблемы, рассматриваются основные подходы к изучению женского насилия, приведены ситуационные и поведенческие факторы совершения женщинами преступлений в семейной сфере.

Ключевые слова: *насилие в семье, женское насилие, женская преступность, виктимность мужчин, физическое насилие, жертвы семейного насилия, внутрисемейная агрессия.*

По данным многочисленных исследователей, семейное насилие вовсе не является уделом только маргинальных слоев населения. Доказано, что насилие чаще встречается в семьях наркоманов или лиц, злоупотребляющих алкоголем. Но даже в самых благополучных слоях общества не обходится без бытового насилия. Если речь идет о том, что мужчина ударил женщину, то мужчину однозначно порицают. Стоит только сказать о насилии со стороны женщины, то реакция прямо противоположная. В итоге получается ситуация с двумя взаимоисключающими выводами. В мужском насилии виноват мужчина. В женском насилии, по мнению большинства людей, тоже виноват мужчина!

Необходимо отметить, что женщины не только являются жертвами межличностного насилия и убийств, но и сами активно совершают межличностное насилие. В настоящее время криминологи и психиатры отмечают тенденцию к росту преступной активности женщин. Более 200 исследований в разных странах свидетельствуют о гендерной симметрии в совершении насилия мужчинами и женщинами в межличностных отношениях [4].

А. Бирюков приводит данные, согласно которым доля женского насилия над мужчинами, в общей статистике бытового насилия, вовсе не столь мала. В частности, по данным Департамента Юстиции США (U.S. Department of Justice, 2000) в США на 15 женщин, избитых мужьями, приходится 8 мужчин, избитых женами. Женщины в 2,5 раза чаще используют нож в качестве инструмента насилия и в 2 раза чаще наносят мужчинам ранения ножом и тяжёлыми предметами в ходе бытовых ссор, чем мужчины. В России, где гендерное поведение смешалось в меньшей степени, насилию со стороны жен подвергается

6–10 % мужей. Для женщин этот показатель равен 30 %, поэтому соотношение несколько ниже, чем в США – от 1/5 до 1/3.

Как справедливо отмечает А.В. Лысова: «одной из наименее изученных и наиболее тяжелых форм межличностного насилия является насилие между членами одной семьи или людьми, состоящими в иных интимных отношениях, например, в отношениях свиданий или сожительства. Эта проблема уже в течение нескольких десятилетий интенсивно изучается западными социологами, криминологами, психологами, врачами и учеными из других областей знания. Однако отечественные ученые взялись за детальное исследование проблемы насилия в семье только около 10–15 лет назад» [3].

Как уже отмечалось, в разное время за рубежом проводились немногочисленные исследования (С. Стайнметц, Б. Лукал, М. Страус, М. Фиберт, Б. Крахе, К. Соммерс, П. Пирсон и др.) на тему насилия внутри семьи, а именно – насилия, совершаемого женщинами против своих мужей или сожителей. В большинстве своем, эти исследования проводились в США и результаты этих исследований, как правило, совпадали и, в известной степени, подтверждали друг друга.

С начала исследований домашнего насилия в США и странах Западной Европы (60-е гг. XX в.), посвященных, в основном, проблеме избиваемых жен, укрепилось мнение, что женщины выступают только в роли жертв семейного насилия. Однако вскоре появились данные, опровергающие данную точку зрения.

Так, по данным исследования, проведенного М. Страус и Р. Геллес (Murray Straus, Richard J. Gelles, 1975), от 23 до 83 % избиваемых жен, как минимум однажды, в целях самообороны или нападения, сами совершали физическое насилие в отношении

своих партнеров. Более того, в 70-е гг. прошлого века С. Стайнметц ввела новый термин «синдром избиваемого мужа», чтобы подчеркнуть важность проблемы физического насилия в отношении мужчин в семье [10].

Американский исследователь К. Шекелфорд указывает на то, что женщины гораздо чаще убивают своих сожителей/партнеров, с которыми живут в фактическом браке, а не мужей [4].

Исследования С. Бен-Дэвида, проведенные в 1993 г., показывают, что преступления, совершаемые женщинами, как в публичной сфере, так и в семье, чаще всего эмоционально мотивированы, импульсивны. В момент совершения преступлений в семейной сфере женщины часто находятся в состоянии депрессии, отчаяния, тревоги, злости, ревности, напряжения или беспомощности. На примере собственной трехфакторной модели (стимулы – поведенческие факторы – ситуационные факторы) С. Бен-Дэвид объясняет доминирование преступлений, совершаемых женщинами именно в семейной, а не в общественной сфере, хотя мотивы могут быть одинаковыми или похожими. Что касается первого фактора – стимулов, то в силу особенностей социализации девочек через привязанность к семье и дому, внутрисемейные отношения и близость становятся для них особой ценностью, которую они хотят сохранить. Угроза же целостности семьи исходит в основном из самой семьи (отношения с мужем, детьми, родственниками), а не из общественной сферы. И хотя агрессивность и злость подавляются в процессе социализации девочек, они наблюдают и моделируют поведение своих родителей (как самозащиту, так и нападение), агрессивную манеру воспитания детей и воспроизводят это поведение позже в своей личной, прежде всего, семейной жизни, а не в общественной сфере. Так реализуется второе условие (поведенческие факторы) для совершения насилия женщинами преимущественно в семье [4].

В большинстве даже самых развитых западных обществ до сих пор присутствуют черты традиционного разделения ролей между мужчинами и женщинами, где женщины все еще идентифицируют себя с ролями жены и матери. Поэтому, когда под угрозой оказывается семья, то одновременно опасности подвергается «весь мир» женщины, ее идентичность и социальный статус. Естественно, что женщина склонна реагировать на это стрессом и тревогой. Возникшее напряжение требует разрядки, однако в общественной сфере такое снятие стресса чревато неприятными последствиями (например, есть вероятность подвергнуться насилию и пострадать от травм со стороны незнакомых или малознакомых мужчин, быть уволенной с работы, и т. д.). В семейной же обстановке женщины часто убеждены, что их дети

и муж не причинят им боли, поэтому напряжение и злость можно выплеснуть на близких.

Таким образом, все три условия, необходимые для совершения насилия женщинами, представлены именно в семье, а не в общественной сфере.

В современной западной социологии условно выделяются два лагеря исследователей. Первые (Р.П. Добаш, Р.Е. Добаш, Л. Уолкер, К. Йолло, А. Дворкин, Д. Рассел и др.) причисляют себя к феминистически ориентированному направлению («feminist perspective») и придерживаются идеи существования половой асимметрии в совершении насилия в семье, согласно которой мужчины – агрессоры, а женщины – жертвы домашнего насилия. Другие ученые (М. Страус, М. Фиберт, Б. Крахе, Л. Миллс, Д. Хайнц и др.) называют себя представителями направления семейного насилия («family violence perspective»), отстаивая идею половой симметрии, когда мужчины и женщины обладают примерно равным потенциалом в совершении насилия в семье над домочадцами (мужем/женой, детьми, престарелыми родителями). Сторонники обоих подходов строят свои исследования на разной методологической основе и базируются на разной концептуализации понятия «насилие». Некоторые ученые именно здесь видят различия в результатах и, как следствие, в мерах по предотвращению внутрисемейного насилия [4].

Теоретическим основанием для представителей этого направления, чаще всего, служит патриархальная теория, согласно которой большая власть и привилегии мужчин в социальной иерархии в буквальном смысле дают им право доминировать и контролировать поведение женщин и детей. Мотивы к продолжению отношений с мужем-агрессором, а также способы реагирования женщин на тяжелую ситуацию в семье вплоть до убийства объясняются, в основном, «синдромом избиваемой жены» и теорией выученной беспомощности, разработанной Л. Уолкер. Кратко картина семейного насилия у представителей данного направления такова: мужа или сожители нападают первыми, издеваются, унижают и оскорбляют женщин; женщины терпят подобное отношение, потому что им некуда идти (нет своего жилья), «чтобы не лишать детей отца», либо из-за страха мести; убивают жен часто в период, когда они готовы к разрыву. Женщины почти никогда не иницируют физическое насилие сами, а если и совершают его, то в основном в легкой форме (дают пощечину, швыряют предметы, толкают и т. д.); убивают женщины, лишь пытаясь защитить себя и/или детей [3].

В 1995 г. американский социолог М. Джонсон разработал концепцию о существовании двух типов насилия в семье: «обычного насилия» («common couple violence») и «патриархального терроризма» («patriarchal terrorism»). Автор предположил, что

представители феминистического направления говорят, прежде всего, о патриархальном терроризме, наиболее жестоких формах насилия в семье, где, как правило, жертвами оказываются женщины. Представители подхода семейного насилия исследуют «обычное насилие», характерное для большинства семей, где мужчины и женщины примерно в равной степени иницируют и совершают преимущественно легкие формы насилия в отношении друг друга [4].

Теоретическим основанием для исследователей школы семейного насилия, помимо патриархальных теорий, служат теории конфликта, социального обмена, структурных социальных факторов и др. Одной из первых работ, посвященных проблеме насилия в семье, совершаемого женщинами, стало исследование С. Стайнметц (Steinmetz, 1977–1978) «Синдром избиваемого мужа», в котором были подняты вопросы общественного высмеивания мужчин-жертв и проблемы латентной виктимизации мужчин в семье.

М. Страус и Р. Геллес провели исследования, показавшие, что уровень совершаемого женщинами физического насилия в семье примерно такой же, как у мужчин и даже выше. Привлекая внимание научного сообщества к вопросу женской преступности в семье, М. Страус пишет статью «Женское насилие в отношении мужчин как социальная проблема», в которой подчеркивает, что без признания существования данной проблемы эффективных мер профилактики и снижения уровня семейного насилия выработать не удастся [10].

Таким образом, западные исследователи приходят к выводу о том, что насилие в семье является результатом сложной динамики активных действий, как мужчин, так и женщин, и не является процессом односторонним. Изучение мотивации совершения женщинами в межличностных отношениях насилия и убийств собственных партнеров демонстрируют сложную картину. Мотивами и факторами риска служат опыт насилия, полученный женщиной в детстве; месть в момент благоприятной возможности (например, муж пьян); насилие как способ справиться со стрессом; депрессия; антисоциальные и пограничные черты личности; конфликтные отношения с партнером, неумение управлять своими чувствами; доминирование в случае совершения легкого физического насилия; ревность; социальная изоляция и пр.

В российской науке проблема насилия в межличностных отношениях, прежде всего в семье, относительно недавно стала предметом научного изучения криминологов (Ю.М. Антонян, А.Н. Ильяшенко, С.В. Максимов, В.П. Ревин, Д.В. Ривман, Д.А. Шестаков и др.) и социологов (И.А. Алексеева, Е.Н. Волкова, И.Д. Горшкова, Т.А. Гурко, С.В. Кочеткова, М. Малышева, П.В. Пучков, Н.М. Римащевская, М.В. Смагина,

Т.Я. Сафонова, В.В. Солодников, Е.И. Цымбал, И.И. Шурыгина и др.). В свою очередь в рамках отечественной психологии наблюдается фактически полное отсутствие исследований, посвященных выявлению факторов риска совершения женщинами насилия в отношении мужчин.

В настоящее время криминологи отмечают тенденцию роста преступной активности женщин, что приближает нашу страну к показателям преступной активности американок, где соотношение убийц-мужчин и убийц-женщин в семье – 1,3 к 1, т. е. на 100 мужей, убивших своих жен, приходится 75 жен, убивших своих мужей.

По результатам исследования А.Н. Ильяшенко, «наблюдается существенное повышение виктимности мужчин при совершении в семье наиболее тяжких насильственных преступлений. Более того, от убийств на почве семейно-бытовых отношений, чаще всего, страдают именно члены семьи мужского пола. Так, почти две трети (64,7 %) жертв семейных убийств были мужского пола» [2, с. 92].

По мнению А.В. Лысовой, проблема также заключается в несоответствии между высоким уровнем насилия в российских семьях и имеющимися данными о формировании норм и паттернов насилия в предшествующих браку интимных отношениях. В своих социологических исследованиях автор делает акцент на насилии в межличностных отношениях в добрачный период, считая их существенным фактором последующего межличностного насилия между супругами, родителями, детьми и другими родственниками [3, 4].

Так, А.В. Лысова анализировала данные, полученные в результате анкетирования 500 респондентов, которым на момент исследования исполнилось 18 лет и имевшим опыт свиданий с партнером не менее одного месяца. В анкете измерялась частота совершения насилия против партнера в предшествующие 12 месяцев, а именно: уровень физического насилия (например, толкал, избивал партнера), психологической агрессии (оскорблял, портил любимые вещи) и сексуального принуждения (настаивал на сексе без применения силы, угрожал, применял силу). Также измерялась степень травм, полученных в результате насилия со стороны партнера. На вопрос о том, совершал ли респондент хотя бы один акт физического насилия в отношении партнера, 38 % женщин по сравнению с 24 % мужчин ответили утвердительно. Гораздо больше женщин (68 %), чем мужчин (53 %) сообщили о совершении, как минимум, одного акта психологической агрессии. Что касается совершения сексуального принуждения в отношении партнера, то примерно одинаковое число мужчин и женщин признали, что делали это (25 % мужчин и 22 % женщин) [3].

При анализе исследований детерминации насилия, осуществляемого женщинами в отношении мужчин, в России немаловажным остается такой фактор, как злоупотребление алкоголем. Так, в России 72,2 % всех убийств совершается в состоянии алкогольного опьянения [3].

На фоне злоупотребления спиртными напитками или по этой причине возникают деформации образа жизни, обостряется конфликтность, искажается восприятие конкретных жизненных ситуаций. Учеными доказано, что изменение личности и поведения женщины (деградация) под влиянием алкоголя происходит за более короткий срок, нежели у мужчин. У женщин-алкоголиков динамика течения алкоголизма более злокачественна, с быстрым развитием морально-этической деградации, резким снижением круга интересов, огрублением и утратой черт женственности, угасанием родственных привязанностей, резким интеллектуальным спадом [1].

Д.В. Синьков, анализируя женскую насильственную преступность, в своих работах существенную роль отводит влиянию микросреды (непосредственное социальное окружение человека – семья, учебный и др. коллективы и группы) как фактора, способствующего появлению и укреплению таких криминологически значимых свойств человека, как агрессивность и корыстность, неприспособленность к повседневной жизни, тревожность, ощущение какой-либо неполноценности (например, закомплексованность) и т. д. Как отмечает автор, особенно сильное влияние микросреды испытывают женщины, т. к. в отличие от мужчин, им свойственно более эмоциональное восприятие негативных сторон окружающей микросреды [6, 7].

Как отмечает Л.Н. Тимошенко, «ничто не может сравниться по силе влияния в вопросах подготовки девушек к личной жизни с той огромной ролью, какую играет семья. Это богатство эмоционального мира, закладываемое семьей, становится фундаментом сферы социальных чувств личности девушек. Семья воспитывает их всем образом своей жизни, той духовно-нравственной атмосферой, которая господствует в ней, тем незаменимым богатством и теплотой, какие могут быть между очень близкими людьми» [8, с. 67].

Неблагополучная семья является источником формирования у детей негативных социальных установок. С криминологической точки зрения семейным неблагополучием признаются объективные факторы – материальная необеспеченность, неполнота семьи, болезнь или смерть родителей, их занятость на работе и т. п. [5]

Д.В. Синьков подчеркивает, что в воспитании девочки, также как и мальчика, велика ответственность обоих родителей. В повседневной жизни мать и отец,

воспитывая своих дочерей и сыновей и имея каждый свою индивидуальность, дополняют друг друга. Теряя же одного из родителей, девочка лишается целого мира нравственно-эмоциональных отношений. Так, мать вносит в воспитание девушки душевную мягкость, нежность. Отец же привносит в воспитание дух мужской твердости, требовательности, принципиальности, строгости, мужественности и четкой организованности. Поэтому воспитательный потенциал неполной семьи, в которой растет девочка, педагогически и морально-психологически ограничен. Это приводит к тому, что девочка в неполной семье не получает положительного примера создания благоприятных супружеских отношений, формирования нормальной психологической обстановки в семье [6].

Тенденцию роста насильственной преступности женщин отмечают и российские психиатры (Н.Г. Шумский, Н.Б. Калюжная, И.В. Ювенский). Крайней формой внутрисемейной агрессии является убийство. Так, согласно данным актов судебно-психиатрической экспертизы женщин, обвинявшихся в убийстве своих мужей и близких родственников, можно выделить, как минимум, два крайне выраженных (полярных) психологических типа женщин-убийц. Всего было обследовано 96 женщин: 25 совершили убийства мужей/сожителей в состоянии аффекта, 27 женщин убивали мужей/сожителей, не будучи в состоянии аффекта, 6 женщин убили своих детей (4 женщины убили маленьких детей и 2 – взрослых), остальные обвинялись в убийстве близких родственников (матерей, отцов, братьев) или посторонних лиц. Главные черты личности женщин, признанных совершившими убийство своих мужей/сожителей в состоянии аффекта: терпение, покорность обстоятельствам, отсутствие склонности к агрессии и то, что психиатры квалифицируют как психический инфантилизм или незрелость личности, несмотря на возраст, образование, жизненный опыт, а именно – неспособность жить собственной жизнью, брать на себя ответственность. Аффект возникал в момент «потери терпения», сопровождаемый страхом. Убийства носили импульсивный характер и совершались первыми попавшими под руку предметами. Убийство, несмотря на внешне тяжелый и агрессивный характер, обычно представляло для них первый «сброс» длительного эмоционального напряжения и было выражением скорее отчаяния и безнадежности, чем активной защиты. Орудиями убийства, чаще всего, были нож (в 16 случаях), топор, утюг, табуретка. В одном случае пьяного мужа застрелили из винтовки, в двух – пьяных мужей сбили с ног и затоптали, еще в одном случае – спящий муж был задушен, одного из мужей убил наемный убийца [9].

У всех 27 обследованных женщин, обвинявшихся в убийстве своих мужей или сожителей не в состоя-

нии аффекта, были сходные черты личности – раздражительность, возбудимость и агрессивность. По сравнению с первой группой обнаружена меньшая наследственная отягощенность алкоголизмом. Во всех случаях отмечалась асоциальная направленность личности, непосредственные формы проявления аффективных реакций – частые обоюдные ссоры и драки. Почти все убийства совершались этими женщинами в состоянии алкогольного опьянения [9].

Таким образом, бесспорным остается факт научно-практической потребности в более глубоком изучении и понимании детерминации женской насильственной преступности в России, значительная часть которой реализуется в сфере семейных отношений. В свою очередь, семейные отношения играют первостепенную роль в формировании как личности в целом, так и отклонений в ее развитии, в том числе обуславливающих опасное для окружающих поведение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонян Ю.М. Преступность среди женщин. – М.: Академия МВД РФ, 1992.
2. Ильяшенко А.Н. Виктимологические проблемы насильственной преступности в семье // Право и политика. – 2003. – № 1. – С. 92–95.
3. Лысова А.В. Женская агрессия и насилие в семье // Общественные науки и современность. – 2008. – № 3. – С. 167–176.
4. Репецкая А.Л., Рыбальская В.Я. Криминология: Общая часть: учебн. пособие. – Иркутск, 1999.
5. Синьков Д.В. Роль микросреды в детерминации преступного поведения женщин // Сибирский Юридический Вестник. – 2002. – № 4. – С. 51–56.
6. Синьков Д.В. Характеристика потерпевших от женской преступности и роль жертв в детерминации преступного поведения женщин (по материалам Восточно-Сибирского региона) // Право: теория и практика. – М.: Тезарус, 2003. – № 3. – С. 56–60.
7. Тимошенко Л.Н. Воспитание старшеклассниц. – М., 1983.
8. Шумский Н.Г., Калюжная Н.Б., Ювенский И.В. Женщины-убийцы. Очерки судебной психиатрии. – СПб., 2004.
9. Gelles R.J., Straus M.A. Determinants of violence in the family: Toward a theoretical integration // Contemporary theories about the family. – New York: Free Press, 1979.

МОЛОДЕЖЬ ОБЪЕДИНЯЕТСЯ ПРОТИВ ТЕРРОРИЗМА (О РАБОТЕ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО МОЛОДЕЖНОГО ФЕСТИВАЛЯ)

Попова Л.В.

В статье представлен краткий обзор работы антитеррористического фестиваля студенческой, научной и творческой молодежи «Мир Кавказу»: участники, доклады на пленарном заседании, формы работы, итоги.

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, молодежь, антитеррористический фестиваль.

12–14 ноября 2012 г. В Ростове-на-Дону на базе факультета психологии Южного федерального университета состоялся ставший уже традиционным антитеррористический фестиваль студенческой, научной и творческой молодежи «Мир Кавказу». Традиция проведения данного фестиваля в нашем городе началась с 2009 г., и с каждым годом в работе фестиваля принимает все большее количество участников – в 2012 г. в работе фестиваля приняло участие более 2 тыс. человек – представителей различных регионов не только Юга России, но и других регионов нашей страны.

В современной России формирование психологии толерантности антитеррористического сознания, особенно в молодежной и студенческой среде, становится одной из актуальных проблем. Исключительно важной это является для многонационального Южного федерального округа. Современные формы проявления радикализма, ксенофобии, экстремизма на Юге России разнообразны, это и этнонационализм, и мигрантофобия, и религиозный экстремизм, и шовинизм, и расизм.

Южный федеральный округ представляет собой регион, включающий значительное количество этнических сообществ, обладающих своей уникальной историей, культурой и религией, что позволяет выделить его в особый конгломерат для воспитания толерантных традиций в среде молодежи, как будущего России. К сожалению, на сегодняшний день остро встает проблема распространения на территории Российской Федерации идеологии терроризма и ксенофобии, что наиболее ярко выражено в Южном федеральном округе. В этих условиях подрастающее поколение России оказалось самой незащищенной в культурном отношении категорией населения, которая находится в своеобразном ценностном и духовном вакууме. Молодёжная среда оказалась

дезорганизована, подвержена влиянию экстремизма и ксенофобии, разрушающих традиционные ценности национальных культур и религий народов Южного федерального округа.

Поэтому целью проведения фестиваля является формирование толерантности, понимания национально-культурных особенностей других людей, что возможно через общение студентов, представляющих различные регионы ЮФО, когда встретившись друг с другом, они смогут лучше узнать историю и культуру всех народов нашего Южного федерального округа.

Научная программа фестиваля имела широко-масштабный характер и включала в себя секции, круглые столы, мастер-классы, тренинги, объединенные в следующие направления:

- государственная политика в области профилактики проявлений экстремизма и терроризма в молодежной среде;
- роль высших учебных заведений в формировании антитеррористических ценностей в молодежной среде;
- роль Интернет-технологий в формировании устойчивого антитеррористического мировоззрения студентов и молодых специалистов;
- популяризация технологий направленного и опосредованного воздействия на ценностные смысловые установки в молодежной среде;
- спорт как компонент формирования ценностей гражданского общества и установок толерантности в молодежной среде;
- проведение лекций, тренингов и мастер-классов.

В рамках антитеррористического фестиваля 9–10 ноября 2012 г. в спортивно-оздоровительном комплексе «Нива» пос. Каменоломни (Ростовская область) проходил межрегиональный фестиваль бое-

вых искусств «Золотая осень». Лозунгами фестиваля стали: «Молодежь против идеологии терроризма и экстремизма», «Спорт, боевые искусства – здоровый образ жизни». В рамках этого мероприятия были проведены соревнования по смешанным единоборствам, в которых приняли участие 212 спортсменов, представители одиннадцати команд. В командном зачёте первое место и кубок завоевала команда Республики Дагестан, на втором месте – команда спортивного клуба «Легион» г. Ростов-на-Дону, на третьем – команда спортивного клуба «Донцы» ст. Кривянская.

12 октября на пленарном заседании с докладом «Формирование антитеррористических и анти-экстремистских ценностей в молодежной среде» выступил П.Н. Ермаков – академик РАО, профессор, декан факультета психологии ЮФУ. В своем докладе он осветил основные компоненты (субъекты) системы противодействия идеологии терроризма (СПИТ), основные направления деятельности субъектов СПИТ; психологический базис терроризма, личностные особенности организаторов и исполнителей террористической деятельности, причины и условия, способствующие вовлечению молодежи в террористическую деятельность; особенности социализации молодежи, факторы риска социализации, личностные факторы риска, основные направления формирования антитеррористических антиэкстремистских установок в молодежной среде, а также социально-психологические методы воздействия на личностные ценности: «технологии убеждающего воздействия должны быть ориентированы на личностный аспект взаимодействия между носителем идеологии и тем, кто становится объектом убеждающего воздействия. Любая технология направленного воздействия преломляется через личность транслятора, его приверженность культурным традициям, определяя специфику убеждающего воздействия. Личность транслятора выступает основным элементом окружающей социокультурной среды, которая воздействует на личность в ходе информационно-пропагандистского процесса». Свой доклад он закончил цитатой Николая Островского: «Жизнь дается человеку только один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно стыдно за бесцельно прожитые годы».

Также на пленарном заседании прозвучал доклад «Религиозно-политический экстремизм на северном кавказе: проблемы предупреждения» М.Я. Яхьяева – доктора философских наук, профессора Дагестанского государственного университета, в котором он отметил, что «основным направлением борьбы с религиозно-политическим экстремизмом как социальным явлением должна стать нейтрализация ключевых факторов, способствующих его воспроизводству и активизации. Здесь мы, прежде

всего, имеем в виду экономические, социальные и политические причины. Основной упор в стратегии противодействия экстремизму и терроризму необходимо перенести на решение проблем по урегулированию имеющихся, недопущение новых конфликтов, улучшение всей социально-экономической ситуации в регионе. Последняя мера будет играть главную роль в противодействии экстремизму, так как она не только будет сужать социальную базу терроризма, но и способствовать решению имеющихся противоречий, многие из которых провоцируются коренной противоположностью экономических интересов людей и невиданной доселе социальной поляризацией северокавказского общества».

Все участники фестиваля показали свое заинтересованное отношение к проблемам противодействия идеологии экстремизма и терроризма в дискуссиях и комментариях. Следует отметить, что особый интерес предмет обучающего семинара «Методы взаимодействия, коммуникаций и координации общественных объединений, органов власти в деятельности по противодействию идеологии терроризма» вызвал у руководителей ОУ Ростовской области, для которых проблема взаимодействия с полиэтническим сообществом (при этом – это не только представители республик Северного Кавказа), в ряде ситуаций являющимся субъектами образовательного процесса, является особенно острым и слабо проработанным в практике управления. В ходе выступлений была отмечена глубокая заинтересованность управленческого персонала образовательных учреждений в разработке методических рекомендаций и иных научных разработок в помощь как руководителям, так и преподавательскому корпусу образовательных учреждений Ростовской области.

Также большой интерес участников вызвали новые формы работы:

- проведение киноклуба, в рамках которого прошел просмотр и обсуждение художественного фильма «Немыслимое» австралийского режиссера Грегора Джордана. Фильм снят жестко и натуралистично. Но, тем не менее, он не о пытках и произволах спецслужб Америки. Он ставит перед зрителем извечную дилемму: оправдывает ли цель средства? Именно этот вопрос и стал ключевым в дискуссии, которая прошла в киноклубе после просмотра фильма. Итогом дискуссии стало то, что участники смогли согласиться друг с другом в том, что, какие бы методы не использовались в борьбе с терроризмом, лучшее, что можно сделать, это создать меры по его профилактике, предупреждать подобные явления с помощью просвещения и образования. И проводимый фестиваль является одним из примеров такой профилактики;

– проведение показа с последующим обсуждением документальных материалов и социальной рекламы, ориентированных на продвижение антитеррористических ценностей в молодежной среде (дискуссия с привлечением представителей журналистского сообщества). В ходе мероприятия были показаны: отрывок из фильма 32 ТК (встреча у костра с диаспорами Ростова, осетины рассказывают о своих знаменитых пирогах, народ слушает, пробует... и пр.); ролик социальной рекламы «Молодежь против террора». В результате последовавшей дискуссии были сделаны выводы: из малых хороших и добрых дел складываются большие Победы («теория малых дел»); мероприятия, подобные проводимому фестивалю, очень актуальны и необходимы для современной молодежи (побуждают задуматься над проблемами экстремизма и терроризма, получить больше информации о данном явлении, обменяться опытом, пересмотреть свои взгляды на возможность внесения личного вклада в антитеррористическую деятельность).

В последний день работы фестиваля прошла традиционная рефлексивная игра «Принципы и основные направления совместной деятельности различных групп общества в противодействии идеологии терроризма», цели которой были следующие: 1) выявить культурные и мифологические стереотипы, социально-психологические установки, характерные для субъектов-участников рефлексивной игры, относящихся к разным молодежным организациям, органам власти, различным группам общества; 2) выявить культурные и мифологические стереотипы, социально-психологические установки, характерные для субъектов-участников рефлексивной игры, относящихся к разным молодежным организациям, органам власти, различным группам общества; 3) развивать понимание поведения других людей в фрустрирующей ситуации вовлечения в экстремистскую группировку или участия в террористическом акте; 4) расширить возможности участников в проектировании социальных ситуаций и управления социальными процессами на основе оторефлексированных форм поведения во фрустрирующей ситуации вовлечения в экстремистскую группировку и угрозы террористического акта, в ситуации проявления экстремистских настроений среди молодежи.

В ходе рефлексивной игры образовалось 4 микрогруппы смешанного конфессионального характера, которые выполняли задания игры, опираясь на принципы толерантности, уважения иного мнения, взаимовыручки и поддержки. В каждой группе были определены специальные ответственные лица – тайм-менеджеры, протоколисты, докладчики, которые должны были реализовать основные игровые дей-

ствия. Однако защищать свои проекты выходили всей многонациональной группой, поддерживая другие группы благодарными аплодисментами. Участники многократно отмечали, что этот вид профилактической деятельности может стать основой для проекта студенческой экспериментальной площадки, что сжатые временные рамки проведения – 1,5 часа, ускорили процесс концентрации на основных вопросах игры.

В целом, фестиваль проходил в очень доброжелательной, толерантной обстановке. Можно отметить положительную динамику изменения отношения молодежи к проблемам терроризма и экстремизма в ходе ежегодного проведения антитеррористических фестивалей (начиная с 2009 г.), что проявляется, во-первых, в высоком уровне рефлексии молодых людей, во-вторых, в четкой толерантной позиции, в-третьих, в конструктивной направленности межличностного и межэтнического взаимодействия.

В заключение работы фестиваля прошел заключительный круглый стол, на котором были приняты рекомендации участников фестиваля.

1. Высшим учебным заведениям активно противодействовать распространению идеологии экстремизма и активизировать работу по информационно-пропагандистскому обеспечению антиэкстремистских мероприятий в молодежной среде.
2. Высшим учебным заведениям привлекать научное и студенческое сообщество к разработке теоретических и методологических основ противодействия экстремизму (во всех его проявлениях) по конкретным направлениям деятельности.
3. На сайтах вузов разъяснять сущность экстремизма и его общественную опасность, формировать стойкое неприятие обществом идеологии насилия, а также привлекать молодежь к участию в противодействии терроризму, экстремизму, национализму, религиозному фундаментализму на интернет-ресурсах.
4. Создать на базе учреждений высшего и среднего образования сеть взаимоувязанных и постоянно действующих интернет-ресурсов антиэкстремистской направленности.
5. Сайт «Мир Кавказу» <http://mirkavkazu.sfedu.ru> считать Зональным координатором для вузов ЮФО и СКФО.
6. Научные материалы антитеррористического фестиваля опубликованы в сборнике. Также материалы фестиваля отражены в следующих формах СМИ: статья в газете «Университетская жизнь» (Кабардино-Балкарский госуниверситет, г. Нальчик); статья в газете «Южный университет» (Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону); статья в газете «Вечерний Ростов»

(г. Ростов-на-Дону); статья в газете «Наше время» (г. Ростов-на-Дону); статья в рецензируемом журнале, входящем в перечень ВАК РФ «Российский психологический журнал» (г. Москва); анонс на Радио ВОСТОК; передача, посвященная фестивалю, на 32 ТК ПАРК; выпуск, посвященный фестивалю, на ДОН ТР; статья в еженедельнике «Академия» (г. Ростов-на-Дону).

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабиянц К.А. Отчет о проведении рефлексивной игры «Принципы и основные направления совместной деятельности различных групп общества в противодействии идеологии терроризма». – URL: <http://mirkavkazu.sfedu.ru>
2. Ермаков П.Н. Формирование антитеррористических и антиэкстремистских ценностей в молодежной среде. Презентация доклада. – URL: <http://mirkavkazu.sfedu.ru>
3. Звездина Г.П. Елагина М.Ю. Отчет о работе обучающего семинара «Методы взаимодействия, коммуникаций и координации общественных объединений, органов власти в деятельности по противодействию идеологии терроризма». – URL: <http://mirkavkazu.sfedu.ru>
4. Левшина А.А. Отчет о проведении киноклуба. – URL: <http://mirkavkazu.sfedu.ru>
5. Попова Л.В., Апарина Е.В. Отчет о работе показа и обсуждения документальных материалов и социальной рекламы, ориентированных на продвижение антитеррористических ценностей в молодежной среде (дискуссия с привлечением представителей журналистского сообщества). – URL: <http://mirkavkazu.sfedu.ru>
6. Яхьяев М.Я. Религиозно-политический экстремизм на Северном Кавказе: проблемы предупреждения. – URL: <http://mirkavkazu.sfedu.ru>

Koltunova E.A.

**Symbol as a psychological category
in the psychoanalytical theories**

Symbolization is the process of creating (at the level of the public conscious) and assimilating (at the level of the individual conscious) notions-symbols, concentrating on the general form of the meaning of their specific characteristics as «super important» or «unreal». Notions-symbols have the function which differs from any other notion, because they play the role of the universal indicators, which lead the subject of the cognition towards the meaningful context, which shouldn't be simply indifferently perceived, but need rethinking, assessment, some interpretation. In the frame of the different psychological approaches the problem of the symbolization is considered and evaluated in different ways. That's why it seems important and interesting to analyze our reference towards the notions- symbols at the example of the psychoanalysis (Z. Freud) and their interpretation by the foreign scientists (C. Jung, A. Adler, E. Ericson, E. Fromm), their interpretations were premises of this category and contributed to the transfer of the symbols to the integrative level which allows to evaluate in different ways the mechanisms of the symbol development and symbolization.

Keywords: symbol, symbolization, abstraction, empirical and theoretical generalization, psychosemantic image, interpretation.

REFERENCES

1. Artemieva E.U. Bases of psychology of subjective semantics./ edited by I.B. Hanina. – M.: Science; Smisl, 1999. – 350 p.
2. Humanitarian collection «Unconscious». – Novocherkask: Agency «Sagouna», 1994.
3. Leontiev A.N. Activity. Conscious. Personality. – M., 1975.
4. New philosophical encyclopedia: in 4 v. / Institute of Philosophy of RAS, National, Public Fund. – M.: Misl, 2000.
5. Petrenko V.F. Mental semantics of the conscious: text-book. – M.: Publishing house of MSU, 1988. – 208 p.
6. Tsveig S. «Zigmund Freud». From the biographical trilogy «Curing and psyche». – M.: Publishing house «Forxis», 1990.
7. Ericson E. «Childhood and society». – Saint-Petersbourg: Rech, 2000.
8. Jung C.J. Introduction into the psychoanalysis. Ch. 5. – M., 1997.

Ossipian N.B.

**Female aggression towards men:
analysis of the foreign and national studies**

The article analyses the key foreign and national researches dedicated to female violence towards men,

underlying the actual state of the problem and its probability, the author considers the main approaches towards female violence, they give examples of the situational and behavior factors which provoke crimes in the family sphere.

Keywords: violence in the family, female violence, female criminality, men's victimity, physical aggression, victims of the family violence, family aggression.

REFERENCES

1. Antonian U.M. Criminality between women. – M.: Academy of IAM of RF, 1992.
2. Yliashenko A.N. Victim's problems after the family violence // Law and politics. – 2003. – № 1. – P. 92–95.
3. Lissova A.V. Female aggression and violence in the family// Social sciences and contemporaneity. – 2008. – № 3. – P. 167–176.
4. Lissova A.V. Violence in pre-marriage relations: modal of risk factors and ways of its prevention: abstract of thesis of Candidate of Doctor of social Sciences. – SPb., 2008.
5. Repetskaya A.L., Ribalskaya V.Ya. Criminology: General part: text book. – Irkutsk, 1999.
6. Sinkov D.V. Role of the micro-environment in the female criminal behavior // Siberian Law Bulletin. – 2002. – № 4. – P. 51–56.
7. Sinkov D.V. Characteristics of the injured person from the female violence and the victim role in provoking female criminal behavior (using materials of East-Siberian region) //Law: theory and practice practice. – M.: Tezaurus, 2003. – № 3. – P. 56–60.
8. Timoshenko L.N. Education of junior schoolgirls. – M., 1983.
9. Shoumskii N.G., Kaluzhnaya N.B., Uvenskii I.V. Women-killers. Review of forensic psychiatry. – SPb., 2004.
10. Gelles R.J., Straus M.A. Determinants of violence in the family: Toward a theoretical integration // Contemporary theories about the family. – New York: Free Press, 1979.

Kachanov A.F.

**The influence of emotional
intelligence on the study of foreign
languages in adolescents**

This article is about research of the influence of emotional intelligence on the study of foreign languages in adolescents in school number 3 in Rosotov-on-Don. Also there are some recommendations in the end of the article, that may be useful to improve emotional intelligence of adolescents.

Keywords: emotional intelligence, identification, empathy.

REFERENCES

1. Dolto Franço; Dolto-Tolitch, Catherine and Percheminier, Colette-Lyrics for teenagers. – Hatier, Paris, 1989. – 73 p.
2. Goleman Daniel. Emotional Intelligence, Editions Robert. – Laffont, Paris, 1997. – 92 p.
3. Julien Patrice. Activities playful KEY International. – Paris, 1991. – 31 p.
4. Lolie, Milan Press (articles, psychological tests).

Mertekhin A.A.
Characteristics of Internet addiction

This article deals with the problem of Internet addiction. The article deals with the psychological characteristics of Internet addiction behavior. Also discusses known approaches to the study of the criteria that characterize the phenomenon.

Keywords: Internet addiction, addictive behavior, not a chemical dependency.

REFERENCES

1. Bailly D., Venisse J.L. Addiction and addictive behaviors. – 1994. – P. 105–111.
2. Bergeret J. Addictive behavior // Clinical and therapeutic approach. – 1991. – P. 83–86.
3. Cyberaddiction: New «addiction without drugs» // Consulted. – 15 october 2011.
4. Goddard M., Goddard P. Internet and medicine. – 1997. – P. 51–54.
5. Internetaddiction: Psychological Symptoms // Consulted. – 15 october 2011.

Prokofyeva N.V.
**The modern view of the problem
of moral and ethical
self-determination rights**

The article is devoted to the analysis of such a complex phenomenon as moral self-determination rights. It talks about the special relevance of the moral reflection, need to form a moral conscience and the responsibility of both the person and the society in which the person lives. Considered the spiritual and moral development in the context of self-development (self-realization).

Keywords: moral reflection, moral consciousness, spirituality, self-development, awareness, self-control, responsibility, moral position, freedom of choice, moral autonomy, moral standards, higher moral values.

REFERENCES

1. Bratus B.S. The problem of moral consciousness in the culture of the past century. <http://www.voppsy.ru/issues/1993/931/931006.htm>

2. Buravleva N.A. The concept of “spirituality” in modern psychology. http://vestnik.tspu.ru/files/PDF/articles/buravleva_n_a_189_193_12_114_2011.pdf
3. Buzunova L.G. Spirituality and world view of man // Tomsk State Pedagogical University Bulletin. – 2005.
4. Vasilyuk F.E. Psychology of emotional experience. – Moscow: Moscow University Press, 1984.
5. Galazhinsky E.V., Klochko V.E. High humanitarian technologies in education: between humanism and manipulation. http://www.psy.tsu.ru/images/stories/metod_m/article/galajinskiy_klochko.pdf
6. Guseinov A.A. The golden rule of morality. – M.: Molodaja Gvardija, 1998. – 589 p.
7. Marks V. Spiritual man in the mirror of psychological knowledge and religious belief // Iss. of psychology. – 1998. – № 3. – P. 104–114.
8. Kostyleva A.A., Kostylev E.N. Philosophical and psychological basis of empirical studies of spirituality // Psychology in the modern world. V. 6. Spiritual and moral development of man in the modern Russian society. Materials of the All-Russian jubilee scientific conference devoted to the 120th anniversary of the birth of S.L. Rubinstein // Ed. Ed. A.L. Zhuravlev et al. – M.: Institute of Psychology RAS, 2009. – P. 66–74.
9. Krimsky S.B. The contours of spirituality: new contexts of personality // Iss. of philosophy. – 1992. – № 12. – P. 21–28.
10. Leontiev D.A. Spirituality, self-regulation and values // Humanitarian challenges of modern psychology (Proceedings of the Taganrog State University of Radio Engineering). – 2005. – № 7. – P. 16–21. <http://institut.smysl.ru/article/spirit.php>
11. Personal capacity: the structure and diagnostics // ed. D.A. Leontiev. – M.: Smysl, 2011. – P. 7–8.
12. Maslow A. New frontiers of human nature. – M.: Smysl, 1999. – 424 p.
13. Maryasova N.V. Spiritual person as a social and cultural phenomenon // Psychology in the modern world. V. 6. Spiritual and moral development of man in the modern Russian society. Materials of the All-Russian jubilee scientific conference devoted to the 120th anniversary of the birth of Rubinstein / Ed. Ed. A.L. Zhuravlev et al. M.: Institute of Psychology RAS, 2009. – P. 77–85.
14. Mamardashvili M.K. Lectures on Proust (psychological topology of the path). – M.: Ad Marginem, 1995.
15. Slobodchikov V.I. Problems of Man in the modern world. <http://www.xpa-spb.ru/libr/Slobodchikov/realnost-duha.html>
16. Frankl V. Man's Search for Meaning. – Moscow: Progress Publishers, 1990. – 367 p.
17. http://www.glossary.ru/cgi-bin/gl_sch2.cgi?RNwgixylttuxy
18. http://enc-dic.com/print/enc_sovet/Moral-39753.html
19. <http://www.abccba.ru/abc16.php>

Mamedova P.R., Sarelaynen A.I.
The dynamics of concepts about their own
communication skills of Student Psychological
Service's volunteers

This paper presents the results of a study of communication abilities of the volunteers of the Student Psychological Service SFU. It shows the connection between the communicative properties and a tendency to take responsibility and a self-confidence.

Keywords: *communicative abilities, volunteers, self-confidence.*

REFERENCES

1. Vachkov I. Osnovy tehnologii gruppovogo treninga. – M: Izdatelstvo «Os'-89», 1999.
2. Rean A.A. Prakticheskaya psihodiagnostika lichnosti: Ucheb. posob. – SPb.: Izd-vo SPb un-ta, 2001. – 224 p.
3. Psihologiya obscheniya. Enciklopedicheskii slovar / pod obsch. red. A.A. Bodaleva. – M. Izd-vo «Kogito-Centr», 2001.
4. Schekoldina S.D. Trening tolerantnosti. – M: «Os'-89», 2004. – 80 c.
5. Nasledov A.D. Matematicheskie metody psihologicheskogo issledovaniya. Analiz i interpretacia dannyh. Uchebnoe posobie. – SPb.: Rech, 2004. – 392 p.

Esipova D.E.
Training technologies for preventive
maintenance of stressful conditions

This article gives a theoretical analysis of stress and stress resistance problem. The features of work on a stress in different directions of psychotherapy are considered. The goals, tasks and main stages of the group work, aimed at increasing stress resistance are defined.

Keywords: *stress, stress resistance, anti-stress training.*

REFERENCES

1. Apchel V.Y., Tsigan V.N. Human stress and stress resistance. – 1999. – 86 p.
2. Baskakov V.U. The anthology in corporally-oriented psychotherapy and psychotechnics. – 2000. – 192 p.
3. Beck D. Cognitive therapy. The full manual. – 2006. – 400 p.
4. Vasiluk F.E. Experience psychology: the analysis of overcoming critical situations. – 1984. – 200 p.
5. Kitaev-Smik L.A. Stress psychology. – 1983. – 368 p.
6. Kovalev S.V. The bases of neurolinguistic programming: Manual. – 2001–160 p.
7. Kopitin A.I. The theory and practice of art-therapy. – 2002. – 368 p.
8. Li Kang Chi. Socio-psychological technologies of forming of stress resistance. – 2005. – 26 p.

9. Litvincev S.V., Snedkov E.V., Reznik A.M. Combat psychic trauma. – 2005. – 432 p.
10. Lozgacheva O.V. Forming of stress resistance at a professionalizing stage: the example of law university. – 2004. – 158 p.
11. The international classification of diseases (10th revision). – 1994. – 2432 p.
12. Monina G.B., Rannala N.V. Training «Stress resistance resources». – 2009. – 250 p.
13. Selye G. Stress without distress. – 1982. – 68 p.
14. Selye G. The essays about the adaptation syndrome. – 1960. – 255 p.
15. Tarabrina N.V. The workshop on the post-traumatic stress disorder psychology. – 2001. – 272 p.
16. Tarabrina N.V. The psychology of post-traumatic stress disorder: integrative approach. – 2008.
17. Corporally-oriented psychotherapy. Bodydynamics / Edit.-comp. V.B. Berezkina-Orlova. – 2010. – 409 p.
18. Shulz I.G. Autogenic training. – 1985–32 p.
19. Elklit A. Victimization and PTSD in a Danish national youth probability sample // J.Am.Acad.Child.Adolesc. Psychiatry. – 2002. – Vol. 41. – P. 174–181.

Mel'nikova A.A.
Training of image formation

Competition for the attention of consumers, competition policy, work – all this puts people and organizations before the fact, about the necessity of constant development. In connection with this, the demand for the development of the image of gaining momentum. As is known, demand begets supply. One of the quickest and most effective ways of formation of image was training. Such trainings combining theory, practice, and also the possibility of disclosure of potential

Keywords: *formation of the image, training.*

REFERENCES

1. Averchenko L.K. Image and personal growth: a Training manual. – Novosibirsk: NGAE&U, 1999.
2. Anciferova L.I. The person in difficult living conditions: rethinking, the transformation of situations and psychological protection // Psychological journal. – 2004. – T. 15. – № 1. – P. 3–16.
3. Brown L. Image – path to success. – SPb.: Peter, 2000.
4. Vem' A. Image – path to success. – SPb.: Peter, 2010.
5. Gilmanov S.A. Image structure and methods of its functioning // Imagebuilding-2006: actual problems of social imagemaking: proceedings of the Fourth International Symposium on imagelogy. – M.: RIC pam, 2006. – P. 55–59.
6. Gorchakova V.G. The image of the individual // Marketing in Russia and for Roubaix-pulp. – 2008. – № 3.
7. Gorchakova V.G. Image: contested or access code? – Rostov-on-don, Phoenix, 2011.

8. Gorchakova V.G. The technique of transformation. Image-training in 33 steps. – USA, Charleston, SC, 2010.
9. Davis F. Create an image. – Minsk: Potpourri, 1998.
10. Panasyuk A.Y. Formation of the image: strategy, psycho technologies, psycho technique. – M.: Omega-L, 2008.
11. Pereligina E.B. The psychology of the image: a Training manual. – M.: Aspect Press, 2002.
12. Pikuleva O.A. Gender, age and professional features of the tactics of self-presentation: PhD Thesis Cand. Psychol. Sciences. – SPb., 2005.
13. Spillane M. Create your image. – M.: OLMA-press, 1996.
14. Shepel V.M. Imagelogy. As to please the people. – M.: Public education, 2002.
15. Shepel V.M. Imagelogy: secrets of personal charm. – Rostov-on-don: Phoenix, 2005.

Chernikh O.V.

Forming of professional competences of volunteers of the student psychological service of southern federal university

The competences which must be captured by volunteers of the student psychological service of Southern Federal University are being analyzed. Within the bounds of the pedagogical experiment the questioning of experts is taken using qualimetric form.

Keywords: competences, qualimetric form, expert method.

REFERENCES

1. Petegem V.V., Kamensky H. Education for Innovation. Application of advanced methods of teaching and learning in SFU. – Rostov n/D. SFU, 2009.
2. Safontsev S.A., Safontseva N.Y. The qualitative methods of organizing of competency education: the manual. – Rostov n/D: RKSI, 2012.
3. Ilyin E.P. Motivation and motives. – St. Petersburg: St. Petersburg, 2006.
4. Spencer LM, Spencer SM Competence at work. – M.: HIPPO, 2005.
5. Project-Based Learning Handbook, Buck Institute for Education, 2002.
6. Dewey J. Psychology and Pedagogy of thinking (how we think). – Moscow, 1999.
7. Safontsev S.A., Shamilyan O.I. Qualimetrical analysis of procedures of pedagogical diagnostics // Humanitarian and socio-economic sciences. – 2006. – № 5. – P. 212–215.
8. Rudinsky I.D. The basis of formal and structural modeling systems of education and automation of pedagogical knowledge testing. – Moscow: Publishing House of the «Hot Line –Telecom», 2004.

9. Safontseva N.Y., Makhno A.S. Didactic support of the learning process on the basis of modular structuring of working programs. – Rostov n/D: Publishing House PO PKI and ABM, 2010.

Obukhova Y.

Self-esteem as a factor of the self-relation of the personality (on materials of French-speaking authors)

In article the main aspects and approaches of studying of the self-relation and self-esteem of the personality in the French modern psychology are considered. These interrelations of these concepts with biological, psychological, social parameters are given. Complexity and a contradiction in studying of this problem is emphasized.

Keywords: self-esteem, image self, my self, self-relation.

REFERENCES

1. Anderson E. The encodes of the streets. – Atlantic Monthly, Paris, 1994. – P. 81–94.
2. André C. The self-esteem, Research in care male nurses. – 2005. – № 82. – P. 26–30.
3. Harter S. Include the self-esteem of the child and of the teenager: historical, theoretical and methodological considerations, in: Bolognini, Mr and Lender Y. (Éds). Self-esteem. Développementales perspectives, Lausanne-Paris: Delachaux and Niestlé, 1998. – P. 57–81.
4. Jendoubi V. Self-esteem and school education, Valuation of the renovation of primary education, Working document, Department of the public education of the Republic and Canton of Geneva, 2002. – P. 12.
5. Lamia A. The self-esteem at the children French from 6 to 10 years: Difference of evaluation according to sex and age, in Bolognini, Mr and Lender Y. (1998), Self-esteem: Développementales perspectives, Delachaux and Niestlé, Paris, 1998. – P. 107–123.
6. Pierrehumbert B. «I would like to love the school» Some data on pictures and ideals of the pupils in trouble school // Failure at the school. Failure of the school / under the dir. of Blaise Pierrehumbert, Neuchâtel: Delachaux and Niestlé, 1992. – P. 177–180.
7. Pierrehumbert B. Rankin, Kelly. Self-image and school programme: an investigation based on the technology of Q-SORT // Magazine of applied psychology, Flight. 40. – 1990. – №3. – P. 357–377.
8. Richard Pfister and al. Aggressiveness, impulsiveness and self-esteem, Staps 3/2001 (N. 56). – P. 33–42.

Popova L.V.

**The youth unites against terrorism
(about work of an anti-terrorist youth festival)**

The short review of work of an anti-terrorist festival of student's, scientific and creative youth «World Caucasus» is presented in article: participants, reports at plenary session, work forms, results.

Keywords: terrorism, extremism, youth, anti-terrorist festival.

REFERENCES

1. Babiyanz K.A. Report on carrying out the reflexive game «The Principles and the Main Directions of Joint Activity of Various Groups of Society in Counteraction of Ideology of Terrorism». – URL: <http://mirkavkazu.sfedu.ru>
2. Ermakov P.N. Formation of anti-terrorist and anti-extremist values in the youth environment. Report presentation. – URL: <http://mirkavkazu.sfedu.ru>
3. Zvezdina G.P., Elagina M.Yu. The report on work of a training seminar «Methods of interaction, communications and coordination of public associations, authorities in activities for counteraction of ideology of terrorism» – URL: <http://mirkavkazu.sfedu.ru>
4. Levchina A.A. Report on carrying out a film society. – URL: <http://mirkavkazu.sfedu.ru>
5. Popova L.V., Aparina E.V. The report on work of display and discussion of documentary materials and the social advertizing, the anti-terrorist values focused on advance in the youth environment (discussion with involvement of representatives of journalistic community). – URL: <http://mirkavkazu.sfedu.ru>
6. Yahjyaev M.Ya. Religiouspolitical eksternizm in the North Caucasus: prevention problems. – URL: <http://mirkavkazu.sfedu.ru>

Есипова Дарья Евгеньевна

студентка 5 курса факультета психологии ЮФУ
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13,
 г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел.: +7 (863) 243-06-11; *e-mail:* lamantinka@list.ru

Качанов Александр Федорович

аспирант кафедры психологии развития и акмеологии
 факультета психологии ЮФУ
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13,
 г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел.: +7 (863) 230-32-47; *e-mail:* ka4anoff@mail.ru

Колтунова Елена Аркадьевна

учитель-дефектолог Государственного казённого
 образовательного учреждения Ростовской области
 «Областной центр образования незлышащих учащих-
 ся» (ГКОУ РО ОЦОНУ)
Служебный адрес: пер. Ашхабадский, 6,
 г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел.: +7 (863) 245-33-92; *e-mail:* 4015821@gmail.com

Мамедова Полина Руслановна

студентка 2 курса факультета психологии ЮФУ
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13,
 г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел.: +7 (863) 243-06-11; *e-mail:* misspolls@gmail.com

Мельникова Анастасия Александровна

студентка 4 курса факультета психологии ЮФУ
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13,
 г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел.: +7 (863) 243-06-11; *e-mail:* letyashcaya@yandex.ru

Мертехин Артём Александрович

аспирант кафедры общей психологии и психологии
 развития факультета психологии ЮФУ
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, г. Ростов-на-
 Дону, 344038
Тел.: +7 (863) 230-32-57; *e-mail:* artemertehin@gmail.com

Обухова Юлия Владимировна

аспирантка кафедры психологии личности факультета
 психологии ЮФУ
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13,
 г. Ростов-на-Дону, 344038
Тел.: +7 (863) 230-32-47; *e-mail:* uvobukhova@yandex.ru

Esipova Darya Evgenyevna

5nd year student department of psychology and legal
 psychology, military psychology department of SFU
Official address: b. 13, M. Nagibina Ave.,
 Rostov-on-Don, Russia, 344038
Tel.: +7 (863) 243-06-11; *e-mail:* lamantinka@list.ru

Kachanov Alexandr Fedorovich

post-graduate year of study a department of general
 psychology and developmental psychology of the
 psychological faculty of SFU
Official address: b. 13, M. Nagibina Ave.,
 Rostov-on-Don, Russia, 344038
Tel.: +7 (863) 230-32-47; *e-mail:* ka4anoff@mail.ru

Koltunova Elena Arkadievna

teacher-speech pathologist of State government
 educational institution of Rostov region «Regional center
 of the education of the deaf pupils» (SGEI RR RCEDP)
Official address: b. 6, Ashhabadskii,
 Rostov-on-Don, Russia, 344038
Tel.: +7 (863) 245-33-92; *e-mail:* 4015821@gmail.com

Mamedova Polina Ruslanovna

2nd year student department of psychology and legal
 psychology, military psychology department of SFU
Official address: b. 13, M. Nagibina Ave.,
 Rostov-on-Don, Russia, 344038
Tel.: +7 (863) 243-06-11; *e-mail:* misspolls@gmail.com

Mel'nikova Anastasia Aleksandrovna

4nd year student department of psychology and legal
 psychology, military psychology department of SFU
Official address: b. 13, M. Nagibina Ave.,
 Rostov-on-Don, Russia, 344038
Tel.: +7 (863) 243-06-11; *e-mail:* letyashcaya@yandex.ru

Mertehin Artem Aleksandrovitch

post-graduate education of the department of the
 general psychology of the psychological faculty of SFU
Official address: b. 13, M. Nagibina Ave.,
 Rostov-on-Don, Russia, 344038
Tel.: +7 (863) 230-32-47; *e-mail:* artemertehin@gmail.com

Obukhova Yulia Vladimirovna

post-graduate student at the Psychology Faculty,
 Personality Department Southern Federal University
Office address: b. 13, M. Nagibina Ave.,
 Rostov-on-Don, Russia, 344038
Tel.: +7 (863) 230-32-47; *e-mail:* uvobukhova@yandex.ru

Осипян Наталья Борисовна

кандидат психологических наук, доцент кафедры юридической психологии и военной психологии факультета психологии ЮФУ

Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13,

г. Ростов-на-Дону, 344038

Тел.: +7 (863) 243-06-11; *e-mail:* n.osipyanyan@yandex.ru

Попова Лариса Владимировна

преподаватель кафедры социальной психологии факультета психологии ЮФУ

Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, к. 234,

г. Ростов-на-Дону, 344038

Тел.: +7 (863) 230-32-37; *e-mail:* larisa2210@bk.ru

Прокофьева Наталья Владимировна

соискатель кафедры общей психологии и психологии развития факультета психологии ЮФУ

Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13,

г. Ростов-на-Дону, 344038

Тел.: +7 (863) 230-32-57; *e-mail:* natalia@proxico.ru

Сарелайнен Александра Игоревна

преподаватель кафедры юридической психологии и военной психологии факультета психологии ЮФУ

Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13,

г. Ростов-на-Дону, 344038

Тел.: +7 (863) 243-06-11; *e-mail:* saartavalla@mail.ru

Черных Оксана Владимировна

аспирант кафедры психологии и педагогики высшего образования факультета психологии ЮФУ

Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13,

г. Ростов-на-Дону, 344038

Тел.: +7 (863) 230-94-09; *e-mail:* chernix77@mail.ru

Osipian Natalia Borisovna

candidate of Psychological Science, associate professors of Juridical and military psychology department of the psychological faculty of SFU

Official address: b. 13, M. Nagibina Ave.,

Rostov-on-Don, Russia, 344038

Tel.: +7 (863) 243-06-11; *e-mail:* n.osipyanyan@yandex.ru

Popova Larisa Vladimirovna

lecturer in social psychology, Department of Psychology, SFU

Office address: b. 13, M. Nagibina Ave.,

Rostov-on-Don, Russia, 344038

Tel.: +7 (863) 230-32-37; *e-mail:* larisa2210@bk.ru

Prokofyeva Natalya Vladimirovna

post-graduate education of the department of the general psychology of the psychological faculty of SFU

Official address: b. 13, M. Nagibina Ave.,

Rostov-on-Don, Russia, 344038

Tel.: +7 (863) 230-32-47; *e-mail:* natalia@proxico.ru

Sarelaynen Alexander Igorevna

post-graduate department of psychology and legal psychology, military psychology department of SFU

Official address: b. 13, M. Nagibina Ave.,

Rostov-on-Don, Russia, 344038

Tel.: +7 (863) 243-06-11; *e-mail:* saartavalla@mail.ru

Chernix Oksana Vladimirovna

postgraduate department of psychology and pedagogy of Higher Education, department of psychology, SFU

Office address: b. 13, M. Nagibina Ave.,

Rostov-on-Don, Russia, 344038

Tel.: +7 (863) 230-03-47; *e-mail:* chernix77@mail.ru

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Требования к публикациям

Статьи принимаются в распечатанном и электронном вариантах в формате редактора Word, набранные 14-м кеглем через 1,5 компьютерных интервала (все поля по 2,0 см), объемом от 10 до 20 страниц, включая список цитированной литературы. При наборе использовать стандартные гарнитуры шрифта: Times или Arial.

Цитированная в статье литература (автор, название, место, издательство и год издания) приводится в алфавитном порядке в виде списка в конце статьи. Литература на иностранных языках дается после отечественной. В тексте ссылка на источник делается путем указания (в квадратных скобках) порядкового номера цитируемой книги или статьи через запятую – цитируемых страниц (например, [42, с. 561]). Рисунки представлять отдельными файлами в формате TIF или PDF с распечатками и перечнем подрисовочных подписей. Допускается представление рисунков в редакторе Word внутри текста статьи.

К статье прилагаются **аннотация и ключевые слова** объемом не более 0,5 стр., а также **сведения об авторе:**

- 1) фамилия, имя и отчество;
- 2) домашний почтовый адрес с индексом, телефон;
- 3) специальность, ученое звание;
- 4) место работы и должность, почтовый адрес места работы, с индексом, служебный телефон;
- 5) электронный адрес (e-mail).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ, НАЗВАНИЕ СТАТЬИ, АННОТАЦИЮ И КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА СЛЕДУЕТ ПРЕДОСТАВИТЬ ТАКЖЕ И НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ.

Статьи аспирантов печатаются бесплатно.

По всем вопросам публикаций обращаться по адресу:
344038, Ростов-на-Дону, пр. Нагибина, 13, ком. 243, редакция
Тел. (863) 243-15-17; e-mail: rpj@psyf.rsu.ru, rpj@bk.ru

Часы работы

понедельник – пятница 13.00-18.00

суббота, воскресенье – выходной